

Г. В. КОЗЛОВ

ГРУСТНЫЙ
ОПТИМИЗМ
СЧАСТЛИВОГО
ПОКОЛЕНИЯ

Г. В. КОЗЛОВ

ГРУСТНЫЙ
ОПТИМИЗМ
СЧАСТЛИВОГО
ПОКОЛЕНИЯ

 ЭТЕРНА

2015

УДК 94(47)"18/19"(0841)
ББК 63,3(2)5я6
К59

Козлов Г. В.

К59 Грустный оптимизм счастливого поколения. — М.:
Этерна, 2015. — 448 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00217-1

УДК 94(47)"18/19"(0841)
ББК 63,3(2)5я6

ISBN 978-5-480-00217-1

© Г. В. Козлов, 2015
© ООО «Издательство «Этерна»,
подготовка к изданию, 2015

Книга для тех, кто заинтересован в оптимальной реализации предначертаний своей судьбы, будущей судьбы землян и, главное, нашей российской судьбы.

Повествуя о днях былых, сегодняшних и будущих, автор избегает глубокомысленной безысходности в рассуждениях и заключениях. В силу мягкой ироничности стиля книга вас не утомит.

Чтение даст возможность отвлечься от сиюминутных проблем, не раз улыбнуться и задуматься о глубоко личном.

Кому-то она добавит уверенности в своих силах и простимулирует к большей целеустремленности.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ И ДОСТИЖЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТОЧКА ОТСЧЕТА

Мальчишкой каждый год родители отправляли меня из Москвы на все лето в деревню Тихвинку, что под Санкт-Петербургом, вблизи железнодорожной станции Тайцы. И сложилось так, что именно с этой деревней связано для меня понятие родного края и именно отсюда берет начало моя память.

Тогда, в пятидесятых годах прошлого века, деревня насчитывала около тридцати сильно обветшалых домов, два покосившихся, но еще довольно крепких двухэтажных дома свидетельствовали о прежних, более благополучных временах. Посреди деревни, протянувшейся вдоль пыльной дороги, в небольшой ложбинке приютился заросший пруд. По мере удаления от дороги дома уступают место сараям, огородам, лугу, кустарнику и, наконец, лесу. Лес, обступающий деревню с двух сторон примерно в полукилометре, несомненно, является важнейшим достоянием местности.

Картина деревни, как и любой пейзаж, была бы неполной без неба, тем более что небо здесь поистине огромно со всех сторон, куда ни бросишь взгляд. Кажется, что этот простор занимает больше половины небесной сферы. И ничто, пожалуй, не трогает в Тихвинке душу горожанина так, как песня жаворонка в поднебесье на фоне тиши и простора. Нигде мне не доводилось

слушать столь мелодичного и бескрайнего звучания неба, освежающего и успокаивающего душу.

До войны в деревне большей частью жили финны, которые потом были выселены. И только один пожилой малорослый финн как-то остался, вероятно в силу своей неприметности. Он жил одиноко в домике, сложенном из бутового камня. Так же из бута были выложены тропинки и глубокий колодец на его участке. Вода в нем была отличная, и ей пользовалась значительная часть примыкающей деревни. Все на участке было в образцовом порядке, даже дрова старик пилил по мерке, работая непременно в нарукавниках и аккуратном сером фартуке. И взять бы деревне с него пример, а нет, беспорядок на других дворах был столь привычен, что и подступаться к нему не считалось нужным.

В 1947 году мои родственники по линии мамы купили один из покинутых финнами домов. Во время войны дом зацепили вскользь два снаряда, а может быть, мины. Один прилетел со стороны Ленинграда и был, видимо, свой. Второй — явно неприятельский — прибыл с противоположного направления. Они повредили два противоположных угла дома: пробиты крышу по краям возле карниза, ободрали снаружи бревенчатые стены и, потеряв скорость, вошли в землю не взорвавшись.

Кроме этих двух серьезных ранений, крыша и сруб дома собрали великое множество мелких осколков.

Судя по всему, бои в этих местах были нешуточные, что неудивительно, поскольку деревня находится в пяти километрах к югу от знаменитой Вороньей горы, с которой обстреливался Ленинград. Воронками разного размера были усеяны все поля и огороды. Даже через десять лет после войны в лесу частенько можно было найти патроны, стволы от винтовок, гранаты, мины, снаряды, стоявшие подчас здоровья и даже жизни некоторым моим сверстникам.

В ста метрах от дома под сенью заботливо посаженных деревьев сохранилась и оберегается братская могила.

Деревня была занята немцами в конце 1941 года. Дом, судя по оставшимся в нем приметам, за три огненных года не раз менял своих хозяев и постепенно разрушался. В результате к концу войны он оказался без пола и дверей. От бывшего сада осталось два чудом выживших дерева.

Сейчас дом восстановлен. Думаю, что он переживет еще не одно поколение, так как построен был весьма добротно. Очень удачно было выбрано для него место — на едва заметном возвышении. В результате, в отличие от соседних близлежащих строений, даже в самую весеннюю распутицу в подполе не бывает воды, что, как известно, высоко ценится сельскими жителями.

Хозяином дома был мой дед — Николай Федорович Матросов, 1881 года рождения, уроженец деревни Муравьево Тверской области. Эту фамилию он получил, вернувшись в родную деревню после долгой флотской службы на Тихом океане. Гражданскую жизнь он начал с того, что женился на Марии Николаевне Басалаевой. За первые десять лет они нажили пятерых детей: двоих сыновей — первого и последнего, и трех дочек, младшая из которых — моя мама Лидия.

Деревенская жизнь, видимо, не очень увлекала деда, много повидавшего за время флотской службы. Он подался на заработки в Петроград, где и прошел вторую после флота школу жизни. Работал сначала в гостинице, а затем в мастерских и на заводе. Дед был человеком сметливым и расчетливым. В период революции пару раз выходил с рабочими на улицы, но после первого же обстрела на Литейном проспекте дело это оставил.

Война 1941 года застала маму, учившуюся в Институте связи, и ее родителей в Ленинграде. Выжили они в блокаду только благодаря поддержке младшего брата Леонида, служившего в то время на охранявшем город эсминце «Славный». На второй год блокады им удалось эвакуироваться. Родители мамы по дороге едва не умерли, однако, приехав в родную тверскую деревню, все трое довольно быстро поднялись.

Я появился на свет божий в деревне Муравьево в начале 1944 года. До войны отец был здешним директором школы и учителем истории. Война произвела его в лейтенанты, и с самого ее начала он более тридцати лет служил офицером в армии.

По рассказам родственников, рождение мое не осталось в деревне незамеченным. Неизвестно по какой причине весь первый год я кричал без перерыва день и ночь, лишив покоя всех родственников и даже соседей. В несколько ослабленном виде эта особенность передалась потом моему сыну. Он тоже за первый год сумел измотать тем же способом всю семью.

В жизни у деда, кроме ленинградской блокады, было еще несколько ситуаций, когда смерть подбиралась к нему совсем близко. Первый раз это случилось во время Русско-японской войны 1905 года, когда он заболел тифом и в безнадежном состоянии был списан на берег. Буквально через месяц его корабль со всей командой затонул в Цусимском сражении, а дед, на удивление врачей, выжил и продолжил службу.

Второй драматический случай произошел с ним вскоре после демобилизации. Во время постройки дома они с шурином тесали бревно, начав с противоположных концов. То ли они были выпивши, то ли, увлекшись работой, не заметили неотвратно приближающейся встречи в середине бревна, сказать сейчас трудно. Однако встречу эту дед запомнил на всю жизнь, получив шрам от топора шурина прямо по центру головы. Фельдшер сказал, что еще полмиллиметра — и был бы пробит не только череп, но и оболочка мозга, что по тем временам являлось смертельной травмой.

Этими двумя случаями судьба деда напоминает судьбу его дома, также дважды уцелевшего по счастливой случайности от зацепивших его снарядов. И вообще дом был деду под стать. С одной стороны, вроде и не представлял собой ничего особенного, а с другой — оказался крепким и надежным.

Следует упомянуть еще об одном моменте из биографии деда, имевшем для всей его жизни немаловажное значение. Служа в гостинице в качестве посыльного, дед однажды познакомился с ясновидцем, и тот предсказал ему дальнейшую судьбу, причем весьма детально, назвав количество детей, будущую специальность, место работы и проживания. В том числе он определил и продолжительность жизни в семьдесят пять лет.

Поначалу дед не принял это всерьез, но по мере того, как предсказания одно за другим неукоснительно сбывались, не только он, но и все родственники поверили в них безоговорочно. В частности, когда в семьдесят три года у деда случился инфаркт, за его жизнь никто из нас всерьез не опасался. И действительно, все обошлось, за исключением разве того, что дед сильно изменился, стал считать себя больным и совершенно потерял интерес ко всем делам, выходящим по своим перспективам хотя бы на несколько лет вперед.

Шли годы. Ему исполнилось семьдесят пять. Приехав как обычно в деревню, я нашел деда еще вполне крепким, но весьма

удрученным. До исполнявшихся в конце года семидесяти шести лет ему оставалось пять месяцев. Прощаясь с ним в конце августа, я не сомневался, что вижу деда в последний раз. Бабушка к тому времени потихоньку приготовила похоронную одежду. В Москве мы каждый день ждали печальную весть.

Самой трудной для деда была последняя неделя, когда до конца отпущенного срока остались считанные дни. Вечером накануне дня рождения дед простился с бабушкой и долго не мог заснуть. Но, к удивлению, он был жив и на следующее утро. Потребовалось еще несколько месяцев, чтобы поверить в ошибку предсказателя, которая, в конечном итоге, составила пять лет.

Бабушка была значительно моложе деда, но и она в моей памяти с самого начала запечатлелась старой. Всю жизнь она была на вторых ролях, хотя, как я сейчас понимаю, именно она была сердцем и объединяющим началом всей большой семьи. На ней было все хозяйство с огородом, поросенком, козой и курами. В прежние годы была еще корова, и тогда в обязанности бабушки входила ежедневная продажа молока в Ленинграде. Но кормить корову с каждым годом становилось все труднее из-за проблем с покосом. В конце концов председатель колхоза вообще запретил косить для нее траву где бы то ни было. Дед в отчаянии даже обратился с письмом к К. Ворошилову — председателю Президиума Верховного Совета СССР. Ответ, на удивление, пришел, но уклончивый — на усмотрение колхоза. Корову пришлось зарезать.

Образование у бабушки было крошечное — одна зима в сельской школе. Читать и писать она практически не умела. Да ей было и не до того. Вставать и зимой, и летом всегда приходилось затемно. Весь день в делах, не присесть. Передышка только за вечерним чаем:

— Давайте попьем неторопя.

Жили они на пенсию деда в двести десять рублей, малость откладывая из этих скудных денег «на черный день». Покупали только хлеб, соль, сахар и папиросы деду, самые дешевые — «Красная звезда». Когда при Н. Хрущеве пенсию увеличили до шестисот дореформенных рублей, они не могли поверить, что это надолго, и продолжали жить как и прежде. Разве что дед стал выписывать газету — «Ленинградскую правду». В результате через несколько лет у них появились накопления, которых могло бы хватить на ремонт дома или другие назревшие нужды. Но с

дедом об этом было бесполезно даже заговаривать, поскольку суровая жизнь сделала его предельно экономным.

В отличие от деда, трудности жизни не огрубили характер бабушки. Она никогда не унывала, по крайней мере на людях, была всегда заботлива и ко всем добра. При любых конфликтах она была готова принести себя в жертву, чтобы только избежать ругани и разлада. Нечего и говорить, что за всю жизнь она никого не только не обидела, но даже не упрекнула. По живости ума она не уступала более образованному деду и была к тому же удивительно понятливой и остроумной. В ее памяти было немало прибауток времен молодости, по которым можно заключить о сохранившихся озорных черточках.

После смерти деда бабушка отказалась переехать к детям, дабы не быть им обузой, и осталась жить в деревне одна. Во многом ее жизнь в семьдесят лет началась заново. Долгая зима инициировала ее к изучению грамоты. Она начала потихоньку читать книги и писать письма. Первое время разобрать их было крайне сложно. Каждое слово содержало столько ошибок, сколько в нем было букв. Дополнительно чтение осложнялось тем, что все письмо было написано слитно. Но уже на следующую зиму письма стали вполне читаемыми. Особый интерес у бабушки вызывали исторические романы, которые мы с удовольствием ей поставляли. Прожила бабушка после смерти мужа еще восемь лет.

Из ценных вещей у бабушки была только швейная машинка «Зингер», а у деда — морской бинокль, который, к сожалению, не сохранился. Поначалу настоящей мебели в доме не было вовсе, но со временем ленинградские сыновья и дочери по мере новых приобретений свезли сюда кровати, стулья, диван, люстры, посуду, картины, безделушки, а также разнообразную одежду и обувь. Постепенно дом превратился в музей старых вещей, некоторые из которых пришли еще из XIX века и были сделаны весьма искусно. На чердаке собрались замысловатые по форме керосинки и керосиновые лампы, вышедшие в отставку с появлением в деревне электричества. Не помню случая, чтобы что-либо из вещей было выброшено на свалку. Да, собственно, никакой свалки в деревне и не было. Хозяйства были безотходными, даже жестяные консервные банки, коих было немного, шли в дело.

Основное место в доме занимала русская печь, выходявшая закопченной кирпичной трубой на крышу. Кроме плиты с конфорками в печи была просторная топка, над которой, как и положено, располагалась лежанка.

Дедушка к печи относился с большим почтением — это был самый сложный и ответственный агрегат во всем незамысловатом хозяйстве. Для прочистки трубы даже приглашался профессионал — трубочист. Связано это было с воспоминаниями о деревенских пожарах, коих на памяти деда было два, лишивших в свое время половину жителей не только крова, но и всего имущества, скота и продовольствия. Более страшных бедствий российские деревни не знали.

Бабушка каждое утро разводила в топке огонь и готовила еду. Иной раз пироги с творогом и всегда картофельную запеканку с твердой корочкой, неспешно созревшей в медленном жару остывающей печи. В духовке такую не испечешь — обязательно где-нибудь пригорит.

Теплая лежанка на печи — тоже прелестная вещь. Лежать на кирпичах, прикрытых старым одеялом с пересохшим запахом, жестко, но это неудобство с лихвой компенсирует неспешное тепло, обволакивающее все тело. Зимой для стариков печь — единственная отрада.

Братья и сестры моей мамы жили в Ленинграде и часто бывали у родителей, но постоянно никогда там не жили. У всех были свои семьи и дети, за исключением старшей, Марии. Когда иной раз летом в Тихвинку съезжались все родственники, набиралось до двадцати человек.

Среди двоюродных братьев и сестер я был несколько на особом положении, так как проводил в Тайцах времени больше других и был как бы постояльцем. Старики ко мне очень привязались и ждали моего приезда уже с осени.

Зимой мне довелось навестить их лишь пару раз. Деревню было невозможно узнать, так она была завалена снегом. Кроме дороги, только к домам, колодцам и магазину были протоптаны узенькие тропинки. Лес не доступен даже на лыжах, сразу за огородом проваливаешься по пояс в рыхлый снег.

Зима в Тихвинке — это царство ночи. Дни настолько короткие, что солнце лишь чуть поднимается над горизонтом, чтобы вскоре скрыться за лесом. В ясную погоду длинные ночи волнуют

горожанина своей сказочной красотой. В полнолуние все вокруг наполняется таинственным зеленовато-голубым светом и черносиними тенями. Отойти от дома страшновато, но зато можно часами любоваться этим серебряным миром через замерзшее по краям окно темной комнаты.

При малой луне все вокруг выглядит совсем иначе. Огромное черное небо наполняется невероятным количеством ярких звезд, среди которых трудно выделить знакомые созвездия. Прозрачный морозный деревенский воздух позволяет заглянуть далеко вглубь звездных миров.

Время зимой течет очень медленно, поскольку почти ничего не происходит, каждый новый день похож на вчерашний. Их как-то совсем и не жалко, и хочется, чтобы скорее они прошли, сменившись наполненной жизнью летней суетой.

Деревенские каникулы значили для меня очень много, там я получал свободу от школы, уроков, родителей и многих ограничений городской жизни. Целыми днями я мог пропадать с приятелями, не опасаясь никаких нотаций и тем более наказаний. А летом в деревне пацанам есть чем заняться. Можно развести костер и испечь картошку, покататься на телеге или на тракторе, сходить за морковью или горохом на колхозное поле. К осени, когда поспевают ягоды, орехи и яблоки, дел становится еще больше.

Отношения с деревенскими сверстниками имели ту особенность, что зависели от их числа. Один на один все было просто и искренне. Но как только их собиралось трое-четверо, я сразу становился чужаком. Москвичей уже тогда недолюбливали. В любой игре деревенские пацаны блокировались и жульничали самым бесстыдным образом. Доходило иной раз и до весьма коварных замыслов. Один из них был связан с катанием на лошадях, коих в колхозе в то время было с десяток. В хорошую погоду деревенские выводили их на ночь пастись в поле. При этом они умели лихо ездить без седла и упряжи, держась за гриву лошади. Зная, что прокатиться верхом на лошади — вожделенная мечта любого мальчугана, они сговорились подсунуть мне самую норовистую кобылу и как следует ее взбодрить, предвкушая, как я с нее навернусь. Понятно, что замысел от меня тщательно скрывался, но по тому, как активно они меня уговаривали и расписывали смиренный нрав лошади, я заподозрил неладное и от-

казался. Уровень разочарования сорванцов убедил меня в правильности решения.

При хорошей погоде мы с дедом ежедневно ходили в лес, заготавливать на зиму дрова, сено и веники для козы и, конечно, грибы и ягоды. К десяти годам я вполне овладел основными навыками сельской жизни и стал старикам реальным помощником.

Дед был профессиональным слесарем и неплохим плотником. Все в доме делалось своими руками и, как правило, из ничего. Топор и пилу я взял в руки, как только появилась силенка их удерживать. При этом совпало так, что убывающая сила деда как бы прирастала во мне. В результате этого количество дров и веников, приносимых нами из леса, оставалось из года в год неизменным и достаточным для того, чтобы пережить долгую зиму.

В отличие от силы, мастерство у деда сохранилось до последних дней, и передавал он его щедро и охотно. Помню, однажды, когда дед уже окончательно слег, я решил смастерить складную двухколенчатую удочку. Главная трудность состояла в изготовлении соединительного узла. Нужно было склепать из жести две трубочки так, чтобы они плотно входили одна в другую. Возился я долго, но никак не мог достичь желаемого результата. Видя это, дед, ворча и охая, встал с кровати и слабыми дрожащими руками сделал две трубки, которые плотно соединились. Это был его последний урок. В слесарном деле так я с ним и не сравнялся. Но и того, что освоил, хватило в дальнейшем с лихвой.

Лет с двенадцати круг моих деревенских обязанностей был уже довольно широк. Многие из них, например доставка воды из дальнего питьевого колодца, требовали немалых физических усилий. К концу лета я всегда не без удовлетворения отмечал, что ведра уже не казались столь тяжелыми и по дороге не нужно было отдыхать. Никогда всерьез не занимаясь спортом, я, тем не менее, не уступал своим сверстникам в силе, чему во многом был обязан летней закалке.

Одна обязанность требовала от меня не столько физических, сколько волевых усилий. Смешно сказать, но связана она была с козой по имени Катька, отличавшейся необычной агрессивностью и своенравием. Рано утром бабушка привязывала ее на лугу за огородом, а днем и вечером ее нужно было приводить домой доить. Прежде это делал дед, явно не испытывая удовольствия, когда коза валила его с ног, несясь как угорелая, или

бодалась по самому ничтожному поводу и даже без такового. Стоило только деду, не сдержавшись, чертыхнуться, как коза тут же оборачивалась и так воинственно становилась на дыбы, что дед мгновенно вспоминал все немногие знакомые ему ласковые слова. Поэтому при первой же возможности он с радостью передал козу мне. Сначала я старался удирать в нужное время из дома, но принять козу все же пришлось.

Каждый раз, отправляясь за ней, я готовил небольшой задабривающий веник из рябиновых веток. Коза на нем сосредотачивалась, и я имел десяток секунд, чтобы вытащить из земли кол с веревкой. Любое промедление было чревато, так как, сожрав веник, коза вовсе не проникалась ко мне чувством благодарности, а становилась только злее от того, что удовольствие так быстро закончилось. Освободив кол, нужно было бежать за козой со всех ног, чтобы, не дай бог, не натянуть связывающую нас веревку. Все обитатели дома о приводе козы заблаговременно информировались и прятались. Особый статус имела лишь бабушка. Коза относилась к ней с безусловным уважением. Только годам к пятнадцати я обрел достаточную силу, чтобы убедить козу в целесообразности более уважительного отношения и ко мне.

По прошествии целого ряда лет, когда жена предложила назвать дочку Катей, я с ней, возможно впервые, не согласился, и дочку назвали Светой.

Однако даже эта злющая коза меркла на фоне красавца петуха, выросшего у всех на глазах из крошечного цыпленка и ставшего в одночасье хозяином и грозой как нашего, так и соседних дворов. Практически во всех действиях людей он усматривал опасность для своих (и соседских) любимых кур и тотчас принимал самые жесткие меры пресечения. Петуха, конечно, давно бы зарубили, как того требовали соседи и особенно почтальон, но бабушка стояла за него горой, ибо кур он содержал в образцовом порядке и неслись они как никогда прежде. Постепенно и соседи, поняв это, зарубили своих потрепанных и запуганных петухов за ненадобностью.

Несколько раз за лето мы с дедом ездили в Ленинград, где посещали баню, иногда парикмахерскую и частенько военноморской музей. Дед его особенно любил и неплохо знал. Возвращаясь, мы покупали у Балтийского вокзала папиросы, селедку, горячий хлеб и немного порезанной ломтиками чайной колбасы.

В электричке я получал бутерброд, вкус и аромат которого казались мне, проголодавшемуся за день мальчишке, просто божественными. Это был аромат того времени, когда колбасу еще не умели делать без мяса.

В электричке мы всегда ездили с билетами, но поскольку контролеры ходили редко, то по возвращении дед слегка сокрушался о напрасно потраченных деньгах. Однажды контролер все же пришел. Дед, преисполненный внутреннего достоинства, неспешно достал бумажник, сохранившийся с более благополучных допенсионных времен, и извлек из него билеты. Тогда это были небольшие картонные карточки с пробитыми по краю мелкими отверстиями, сообщающими дату приобретения. Посмотрев на просвет, контролер убедился, что билет старый. Это деда не смутило, он предложил другой, но и тот не годился. Такой же проверке подверглись еще с десятков билетов — и с прежним результатом. Оказалось, что бумажник хранил билеты за все предыдущие поездки. У контролера не хватило терпения изучить все коллекцию, и он ретировался. Дедушка же аккуратно сложил все билеты на место. На мой недоуменный взгляд он буркнул:

— Пусть лежат.

За этими словами стояло желание сохранить солидность отвыкшего от денег бумажника.

Дед и сам стремился выглядеть солидно. На людях он держался степенно, встречаясь со знакомыми, обязательно приподнимал картуз со словами:

— Мое почтение.

Иногда дед одалживал соседям небольшие деньги и потом долгие годы вспоминал, если кто ему не вернул, сильно по этому поводу переживал, но никогда не напоминал должникам.

Не припоминаю, чтобы дед при мне нецензурно бранился, самым «сильным» ругательством был «леший», а у бабушки и того слабее — «худой человек».

Повзрослев, я стал ездить в Ленинград самостоятельно, навещая живших там родственников, но гораздо чаще бывал в Красном Селе, которое в то время еще не было в черте города. Здесь, в двух остановках электрички от Тайцев, жила средняя мамина сестра Вера. Все тут было иначе, чем в тихих Тайцах, и прежде всего огромное озеро, на берегу которого торжественно распо-

ложилась старинная бумажная фабрика, задававшая своими гудками ритм жизни рабочему поселку.

В семье тети Веры было двое сыновей. Один старше меня на пять лет, а другой на столько же лет моложе. Вполне понятно, что главный интерес для меня представлял старший, Валерий, — наставник и авторитет. Он приобщил меня к рыбалке, и это надолго стало одним из самых любимых моих увлечений. Снасти у нас были почти полностью самодельными. До сих пор удивляюсь, как нам удавалось ловить плотву — одну из самых осторожных рыб — на нитку и самодельный крючок, изготовленный из тетрадной скрепки. Правда, следует признать, что крючки брат делал очень искусно. Главным их достоинством был малый размер, а недостатком — низкая прочность, не позволявшая вытащить крупную рыбину.

С Красным Селом связана у меня и мучительная эпопея обучения плаванию. Началась она лет с семи. Брались учить меня многие: и отец, и брат, и дядя, — но совершенно безуспешно. Я прочитал несколько наставлений, старательно разучивал и выполнял их рекомендации, но не мог проплыть и метра. Неумение плавать было для меня ужасно огорчительным. Год от года число сверстников, не научившихся плавать, катастрофически сокращалось, и наконец я остался один. Это было стыдно и униЗИтельно.

Конец этой муке наступил лишь в восемнадцать лет, когда я был уже студентом МГУ. Под угрозой отчисления я проплыл первые сто метров на обязательном зачете по физкультуре. До этого со мной три месяца занимались профессиональные тренеры. Наблюдая за моими стараниями, они пожимали плечами и разводили руками, ибо, делая все правильно, я не мог даже на самое короткое время поднять головы над водой, чтобы вдохнуть.

Но вернемся-таки в Красное Село. Научиться плавать в то время мне было крайне важно еще и для того, чтобы одному рыбачить на озере с лодки, не волнуя родственников. Озеро манило меня своими заросшими тростником берегами и дивными водорослями, создававшими под водой таинственный и причудливый мир, который, благодаря высокой прозрачности воды, можно было наблюдать на глубину до нескольких метров. В тихую погоду хорошо была видна снасть с крючком и насадкой. Рыбы медленно и заинтересованно подплывали к комочку из белого

мякиша, но, потрогав его и почувствовав неладное, резко ушли в сторону, уступая место другим. Наконец, находилась какая-нибудь не слишком осмотрительная плотвица, которая брала насадку. Тут уж все решали доли секунды, кто окажется проворнее. Сказать по правде, особых успехов в рыбалке я не достиг. Только однажды удивил тетю, поймав двух огромных плотвиц, а так все больше кормил кошку.

Стихией моей стал таицкий лес. Здесь я знал и чувствовал почти все, да и лес, как говорят, принял меня. Главное таинство было связано со сбором грибов. Выходить из дома нужно было затемно. К августу ночи становились холодными, туманными и росистыми, так что трудно было не вымокнуть еще по дороге. К рассвету температура воздуха достигала своего минимума, и промокшие ноги превращались в ледышки.

Но вот встает солнце... и постепенно все вокруг меняется. Пугающая серо-черная таинственность приобретает окраску, радужное сияние охватывает капельки росы на травинках и листьях. Микроскопические шарики воды, как бисер нанизанные на тончайшие нити, открывают взору невидимое днем царство паутин. На деревьях между ветвями здесь и там развешаны симметричные кружева, достигающие подчас гигантских размеров, но всегда удивительно аккуратной работы. В траве паутинки, напротив, как сеточки, с ювелирно мелким шагом.

Искусство плетения и особенно крепления паутин поражает своей точностью и рациональностью. Для меня необъяснимо, откуда у столь примитивных с виду паучков такие высокие конструкторские навыки, точность определения углов несущих линий и шага плетения, равномерно меняющегося от центра к периферии. Поражает и скорость работы. За день паук успевает не только починить всю оборванную непрошеными гостями леса снасть, но и создать целую систему новых ловушек для мух, бабочек и прочих букашек.

Количество мелких обитателей леса не поддается подсчету. При внимательном рассмотрении на любом клочке земли обязательно увидишь муравьев, жучков, снующих в целеустремленном движении, ярких божьих коровок, гусениц разных размеров и типов — от малопривычных прозрачно-зеленых до очень больших пушисто-нарядных и разноцветных. Весь этот мир столь гармоничен, что вроде бы и не подразделяется на хищников и их жертв.

Не чувствуется здесь ни злобы, ни коварства, все идет по правилам жизнепревращения, устойчивого в своем многообразии.

Вскоре лес наполняется дневными запахами и звуками. Первыми пробуждаются птицы, затем в оркестр вступают подсохшие кузнечики. Завершает пробуждение яркий хоровод разноцветных бабочек, которые в этих местах достигают размера ладони. Красота и величие, с которыми они порхают вдоль просек, не позволяют и думать об их поимке.

Грибными таицкие леса не назовешь. Не зная мест, в них за день едва найдешь десяток сыроежек да пару подберезовиков, и только опытный грибник может рассчитывать на успех. Самыми заветными здесь всегда были рыжики. Растут они всего в нескольких местах, причем самых живописных. Это полянки в молодом ельнике, покрытые травой и мелким мхом. Если повезет прийти сюда первым, то наберешь иной раз целое лукошко рыже-зеленых красавцев. Вкус гриба под стать его изяществу и изысканности цвета и формы. Зимой позеленевший в рассоле грибок напомнит и о хвойном смолистом аромате молодых елочек, и о нежности мягкого мха, надежно укрывающего в своей глубине малюсенькие грибочки завтрашнего дня.

Первый же найденный гриб пробуждает азарт, и мгновенно забываешь и о прерванном утреннем сне, и о промокших ногах, и даже об окружающей красоте. Внимание концентрируется на одной цели, и редкий гриб остается незамеченным молодыми зоркими глазами.

Обратная дорога с полной корзинкой кажется короткой и легкой. Встречающиеся на пути запоздалые грибники — самые желанные свидетели успеха. А впереди еще радость бабушки:

— Бат-ть-тюшки-светы! Вот так грибы! Вот так молодец!

Дед осмотрит грибы более сдержанно, поинтересуется, где что найдено, и примется их чистить, расположившись в своем любимом месте на крыльце. Часть грибов идет к обеду на жарку, другие на засол в кадушку. Рыжики всегда солятся отдельно с особой тщательностью и уважением.

Леса, как уже отмечалось, обступают деревню с двух сторон. Тот, что с севера, — более низкий и болотистый. Из грибов там растут преимущественно сыроежки, очень крупные, на толстой ножке с ярко-красными загнутыми вовнутрь шляпками. Здесь много клюквы и морошки, но больше всего комаров. В начале

лета от них просто нет спасения, и только к августу их полчища заметно рedeют. Тогда сюда отваживаются ходить не только заяддые грибники, но уже и женщины с детьми.

С другой стороны деревни лес совершенно иной — высокий и сухой. Выйдя из дома, примерно через час быстрого шага можно дойти до проходящей через лес Царской дороги. В свое время она соединяла Северную столицу с гатчинским дворцом. Впервые попав сюда, оказываешься в плену торжественного величия истории. Построена дорога очень добротнo и продуманно. Засыпанная битым красным кирпичом проезжая часть вьется среди леса, делая плавные повороты каждые сто — двести метров. Уже одно это придает ей особую красоту и таинственность. Усиливают эффект растущие по обочинам огромного размера зонтичные травы, иван-чай, валериана и малина.

С дедом мы редко доходили до Царской дороги, а лес за ней вообще считался недоступным. Когда же я его для себя открыл, то оценил и полюбил в полной мере. Там на опушке леса расположились красавицы лиственницы с мягкой хвоей и красными смолистыми шишечками. Это лучшее место в лесу для сбора маслят. Узнав, что я туда ходил, дед каждый раз уважительно качал головой и вздыхал с легкой грустью.

Посетив Тайцы недавно после многолетнего перерыва, я первым делом направился к Царской дороге. Многие изменилось, но дорога сохранилась, хотя ее сильно разбили и замусорили грузовики за время какого-то военного строительства. Лес стал другим. В одних местах просеки и поляны заросли, в других он прорежен и больше напоминает парк. Неизменными остались только гигантские валуны — единственно надежные ориентиры цепкой памяти детства.

Зверей в тамошних местах встретишь нечасто в силу незначительной протяженности леса. Но однажды в куче валежника я заметил крошечного зайчонка и не смог устоять перед охотничьим инстинктом — подхватил насмерть напуганную зверюшку и спешил домой. Он так дрожал в моих ладошках, что от жалости сжималось сердце, но чувство гордости от редкой удачи брало верх над милосердием. От нетерпения показать дома добычу я сам дрожал, как зайчонок.

Целый месяц пришлось выкармливать зайчонка из соски козьим молоком и оберегать от кошки, пока она не сдружилась с

новым, повзрослевшим постояльцем. Жил заяц в доме под печкой и стал почти ручной. Осенью я с чувством исполненного долга передал подросшего зайчонка старикам на попечительство. Однако до следующего лета зайчик не дожил, зимой заболел и умер. Дедушка и бабушка о нем долго грустили, но по-разному: бабушка зайчонка искренне жалела, а дед чисто по-крестьянски переживал, что вовремя не зарезал его на суп.

Среди маминых братьев и сестер особое место занимал младший — Леонид. Родители любили его больше других детей, в ответ на что он сызмальства доставлял им больше всех хлопот и беспокойства своими проделками и приключениями. Будучи человеком мягким и душевным, он постоянно попадал с приятелями во всякие истории. Вместе с тем, мастер на все руки, он мог спуститься под воду в водолазном костюме и очистить винт военного корабля, сменить на подстанции сгоревший в грозу высоковольтный трансформатор, отремонтировать любую машину, зарезать поросенка, стащить вилки в ресторане и т. д. и т. п. И было только одно непосильное для дяди Лени дело — он категорически не любил учиться. Ценой огромных усилий всех родственников он, работая уже мастером на Балтийском заводе, с грехом пополам закончил заочный техникум. Специалист он был, что называется, от Бога, свидетельством тому статья в «Ленинградской правде» с его портретом. Газету эту дед хранил до конца своих дней среди самых важных документов. Кроме заслуг сына в ней упоминалось и о нем, старом моряке-цусимовце.

Отношения у меня с дядей Леней были самые замечательные, и, когда он приезжал в деревню, я всегда был у него на подхвате. Мы вместе обтесали бревенчатый дом и обили его сделанной нами же вагонкой, надрали дранки и поправили крышу, залечив раны войны. Вместе чинили велосипеды, гоняли на мотоцикле, ездили купаться и ходили за грибами. С годами я стал ему серьезным помощником. Он даже брал меня на «халтуру». Подрабатывал дядя Леня тем, что электрифицировал новые дома, которые в то время росли в Тайцах как грибы.

Первое время моя работа сводилась к подключению розеток и выключателей, но вскоре я освоил и все остальное, включая подсоединение к сети на столбе. Для этой цели у нас были специальные металлические кошки и монтажный пояс с цепью. Не знаю, на какой размер ноги эти кошки были рассчитаны, но у

меня даже в солдатских сапогах обе ноги могли поместиться в креплении одной из них. Зафиксировать в таких условиях ногу удавалось с большим трудом, и в силу этого уверенности в безопасном пребывании на столбе никогда не было, тем более что работать приходилось под напряжением.

Однажды стальной цепью монтажного пояса я чуть было не закоротил провода воздушной линии. Привычно орудуя на столбе, я вдруг краем глаза заметил, что цепь повисла на голом алюминиевом проводе и находится в нескольких миллиметрах от другого. Только эти миллиметры да заботливая судьба уберегли меня от трагедии. В лучшем случае я бы упал со столба и пережег магистральные провода, обесточив при этом всю округу. Слез я с мокрой спиной и дрожащими коленями. Больше я эту цепь никогда не надевал, да и «халтуры» как-то закончились.

Работая на заводе, а затем в морском КБ, дядя Леня натаскал в деревню много всякой электрической всячины. Это были старые моторы, сельсины, трансформаторы, аккумуляторы, реле, индикаторы, провода и многое другое. Все это попало в мое полное распоряжение и активное использование. На первом этапе главным интересом для меня было что-нибудь развинтить и разобрать, но постепенно я перешел и к созиданию. Так у меня появились токарный станок по дереву, зарядное устройство для аккумулятора, прибор для выжигания и другие полезные вещи. Предметом моей особой гордости стала система сигнализации для охраны сада от непрошенных «ночных гостей». Она оказалась столь эффективной и надежной, что верой и правдой прослужила более десяти лет на зависть всем соседям.

У мамы был еще один брат, старший, Александр, который работал прорабом на военных стройках. Человеком он был на редкость тихим и скромным, во многом противоположным дяде Лене. Он считал для себя невозможным взять со стройки хоть что-то и не хотел даже верить, что другие делают это в больших масштабах. Я думаю, что если бы прорабом был дядя Леня, то в Тайцах у нас была бы хорошо оборудованная военная база.

Мечтой дяди Лени был автомобиль. Но при его образе жизни об этом можно было разве что только мечтать. Во-первых, у него никогда не было достаточных денег, а во-вторых, в трезвом состоянии он мог удержаться не более чем до обеда. И тем не менее автомобиль в Тайцах, ко всеобщему удивлению, появился. Купил

его дядя Леня за бесценок у своего приятеля. Приятель был сильно болен, и автомобиль «Москвич-401» несколько лет бесхозно простоял во дворе на радость детворе. Каким-то образом машину доставили из Ленинграда в деревню, и дядя Леня тут же приступил к ее восстановлению.

Запасные детали достать было очень трудно, и многое ему пришлось изготавливать самому. Это был 1980 год, с момента выпуска машины прошло более двадцати пяти лет. Я тогда уже женился, окончил университет, работал и в Тайцах не был несколько лет. Жили мы с женой и двумя детьми у ее родителей, и особенность ситуации состояла в том, что у тестя был точно такой же старенький «москвич», который мне постоянно приходилось ремонтировать. Учитывая это, дядя Леня очень рассчитывал на мою помощь в оживлении своего любимца.

Летом мне удалось сагитировать жену и детей съездить на месячишко в Тайцы. Дядя Леня ждал нас с особым нетерпением. К запуску двигателя «москвича» мы приступили немедленно по приезду. Сначала в нем не было никакого интереса к жизни, заводная ручка прокручивалась совсем без отдачи. Мы вынуждены были даже снять головку блока цилиндров, чтобы в высохшие цилиндры залить масло. К середине ночи мотор начал схватывать, но аккумулятор к тому времени уже полностью сел, и пришлось поставить его на подзарядку, а работы отложить до утра.

Утром пришел заслуженный успех — машина завелась, и мы решили незамедлительно выехать на ходовые испытания. Нечего и говорить о том, что никто из нас не только не имел водительских прав, но и ездить толком не умел. Тесть несколько раз пытался меня учить, желая передать вымотавшую все его силы машину, но мои успехи в вождении были примерно такими же, как и в плавании. Тем не менее после короткого обсуждения, на котором были взвешены все «за» и «против», именно мне выпала честь первому сесть за руль. Сесть, правда, оказалось непросто, так как переднее сиденье в машине заменял невысокий деревянный ящик. Моя голова едва доходила до уровня узенького, как смотровая щель танка, лобового стекла «москвича». Смотреть, впрочем, в него не было необходимости, ибо выезжать из гаража предстояло задом.

Гараж с дорогой соединяла заросшая травой межа между двумя соседскими огородами шириной чуть более двух метров. Слева от межи росла картошка, а справа — капуста.

К торжественному моменту собрались все родственники. Старшая мамина сестра — тетя Маня, являвшаяся в то время негласной хозяйкой дома, очень нервничала, предчувствуя неприятные объяснения с соседями. Но дядя Леня успокоил ее, охарактеризовав меня как опытного водителя. Это придало мне дополнительной уверенности.

Дядя Леня вышел вперед, мы договорились, что он будет давать мне команды. По его отмашке я включил заднюю передачу, и машина тронулась в нужном направлении, более того, удалось без происшествий выехать из гаража. Теперь предстояло вырвать на межу.

Езда задним ходом — непростое дело даже для людей, прошедших курсы автовождения. В этом я убедился уже через несколько секунд. Машина двигалась совсем не туда, куда мне требовалось. Дядя Леня, а потом и все родственники стали кричать и показывать, в какую сторону следует крутить руль. Это окончательно парализовало мои действия. Как невменяемый, я вцепился в руль и одеревеневшей ногой нажимал на газ, ничего не видя и ни на что не реагируя. Кончился этот казавшийся мне бесконечным кошмар после того, как машина въехала в яму и мотор заглох. Мое состояние было как после пытки на электрическом стуле.

Однако, выбравшись наконец из машины, я обнаружил, что поставленную задачу в основном удалось-таки выполнить. Машина застряла в поле в непосредственной близости от дороги. По реакции родственников, особенно тети Мани, было понятно и то, что не все прошло штатно. Из гаража следы машины круто забирали в капусту, через которую и пролегла большая часть последующего пути. Самое поразительное заключалось в том, что ни один кочан не пострадал. Уверен, что самый опытный водитель не смог бы повторить мой «капустный заезд» более удачно.

Дальше дело пошло также вполне успешно. Выяснилось, правда, что рулевая тяга у «москвича» сильно погнута и поэтому руль поворачивается преимущественно в правую сторону. Второй серьезной проблемой оказались тормоза. Главный цилиндр заметно подтекал, к слову, как и радиатор. Поэтому воду в них приходилось подливать каждый час. Плохо отжималось сцепление, и барахлил бензонасос. Щели в полу и пробоины в корпусе,

как мощные пылесосы, втягивали с дороги пыль, от чего в машине трудно было дышать. Но всё это были уже мелочи.

Целый месяц все мы по очереди, включая жену и тринадцатилетнего сына, рулили на машине по деревне и прилегающим проселочным и лесным дорогам. Дядя Леня был очень доволен и строил грандиозные дальнейшие планы. Но, как выяснилось, этот месяц был для «москвича» лебединой песней. Он еще немного поездил, затем лет десять простоял в гараже, пока его не отдали соседям, по капусте которых я совершил свой триумфальный выезд.

После смерти деда в 1961 году основную заботу о доме и усадьбе приняла на себя старшая дочь — тетя Маня. Это был период расцвета. Она организовала ремонт дома и закладку сада, который до сих пор обильно плодоносит. Каждая вещь в доме была отремонтирована, учтена, имела четкое предназначение и строго определенное место. Правила жизни в Тайцах в тот период были очень жесткими. Если уж не разрешалось входить в дом в ботинках, то в присутствии тети Мани никаких исключений быть не могло. По этому поводу был даже небольшой курьез. За столом в присутствии всей семьи маленькой внучке — Маше загадали загадку:

— Не лает, не кусает, а в дом не пускает?

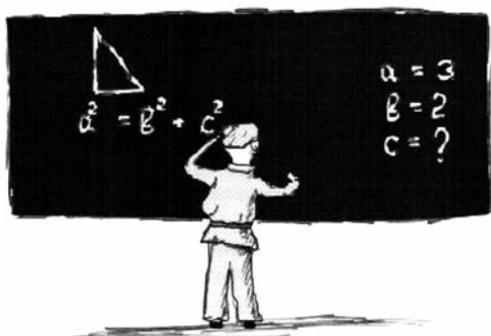
— Тетя Маня, — не задумываясь ответила девочка.

К моему приезду в Тайцы тетя Маня загодя составляла список проблем, ждущих своего решения. Дела в списке были не случайными, а именно теми, которые я мог сделать лучше других. Я воспринимал все поручения с готовностью, даже с гордостью, и не было случая, чтобы я не оправдал ее ожидания.

Сейчас из старшего поколения в Тайцах уже никого не осталось, и все хозяйство в руках брата Валерия, который сохранил к Тайцам душевную тягу и живой интерес. Я бы тоже, имея время, подключился к нему, так как чувствую свою неразрывную связь с этим многое повидавшим домом, высоким небом и звонкой песней жаворонка над лугом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ШКОЛА

Москвичом я стал в 1950 году, когда поселился с родителями в общежитии военной академии, в которой учился отец, на Большой Пироговской улице. Имея пять подъездов и множество крыльев, наш дом давал приют огромному числу обитателей. Номер последней по списку квартиры был ни много ни мало 672, именно в ней мы и жили. Квартира была пристроена к дому сверх проекта, она располагалась на седьмом этаже рядом с машинным отделением лифта. При ее строительстве потребовалась немалая изобретательность. Окно кухни выходило на чердак, и для того, чтобы оно давало хотя бы немного света, строителям пришлось застеклить часть крыши.

Хозяйки хранили на чердаке картошку и овощи, а для меня окно на чердак открывало огромные пространства сразу в двух измерениях. Чердак, как ему и положено, был таинственно-мрачен и имел очень сложную конфигурацию, как и сам дом. Гулять по нему было жутковато, особенно в семилетнем возрасте. Железная крыша, на которую без труда можно было выбраться через слуховые окна, напротив, открывала перспективу на всю округу.

В квартире жило пять семей, причем на удивление дружно. Я мог зайти в любую дверь без всякого опасения быть изгнан-

ным. Иной раз на ночлег у соседей располагались наши гости, приехавшие из тверской деревни или Ленинграда. В нашей комнате места для них не было даже на полу. Десять квадратных метров занимали две кровати, буфет, стол и пара стульев. Все казенное, с металлическими номерками. Вскоре родилась моя сестра, и это потребовало дальнейшего уплотнения.

По моим мальчишеским понятиям, дом был расположен идеально. Рядом с ним Новодевичий монастырь с кладбищем, два пруда с крутой горкой, окружная железная дорога с мостом через Москва-реку. За железной дорогой — Лужники. В то время там был небольшой стадион «Химик», резиновая фабрика со свалкой и песчаный склад на берегу реки.

Монастырь и прилегающий к его высоченной стене пруд были для нас, мальчишек, излюбленными местами времяпрепровождения. В пруду мы ловили карасей и уклек, а также пытались отыскать золотые вещи, якобы спрятанные там монахами во время войны с Наполеоном. Успеха наши старания, однако, не имели.

Зимой на пруду расчищали каток, который собирал немало народу. Ближе к весне лед разрезали на кубики и на грузовиках увозили в ледник для хранения продуктов.

Задние монастырские ворота ведут на известное всем Новодевичье кладбище, в ту пору совершенно открытое. Среди знаменитых захоронений больше других нас привлекали памятники летчикам, погибшим в авиакатастрофах. В монастырской стене их несколько, с изображениями самолетов и описанием происшедшей трагедии. Иногда удавалось попасть на похороны с оркестром и большим количеством народу. На погребении генералов и адмиралов всегда был салют, после которого мы разыскивали в траве или снегу приятно пахнущие порохом гильзы. На этом же кладбище у могилы Зои Космодемьянской в десять лет меня торжественно приняли в пионеры.

За парком, берущим начало напротив нашего дома, идет спуск к Москва-реке, на берегу которой стоит дом культуры прядильной фабрики с большим кинозалом. Кино для нас было главным, а точнее, единственным культурным развлечением. В клубе мы занимали места на полу за барьером у самого экрана. Близость действия производила неизгладимое впечатление, и после каждого фильма мы долго пересказывали его друг другу на понятном только нам языке возгласов и междометий.

Однажды перед обедом родители послали меня за хлебом в булочную, что была в соседнем доме. По дороге я встретил приятелей, направлявшихся на Ленинские горы ловить рыбу. Понятно, что это меня сразу заинтересовало, и я присоединился к дружной компании.

Погода была отличная, мы, не задерживаясь, прошли через монастырские пруды, железнодорожный мост, речку Сетунь, а там и до высокого берега Москва-реки рукой подать.

В те годы набережной на Ленинских горах не было, и берег пребывал в первозданном виде. Деревья и кустарники подходили к самой воде, чистые ручьи от многочисленных источников впадали в речку по узким овражкам, круто спускавшимся с горы. Ручейки были совсем мелкие с чистым песчаным дном, что выгодно отличало их от реки, по которой буксиры, оставляя за собой мазутные пятна, таскали баржи, груженные песком и лесом. Рыбешки из реки заходили в эти чистые ручейки, где едва могли плавать, цепляясь за дно. Обычно это были небольшие налимы, длиной сантиметров пятнадцать — двадцать. Ловить их можно было прямо руками. Уже через час, обойдя с десяток ручьев, мы имели неплохой улов. Сначала думали отнести добычу домой, но нести улов было не в чем, и мы решили поджарить налимов на костре, поскольку к тому времени сильно проголодались. Спички кто-то предусмотрительно захватил, и костер приятно задымил выбранную нами уютную полянку. Жареная рыба не слишком удалась, без соли есть ее было трудно. Но это настроения нам не испортило, и мы решили, что завтра поход повторим, подготовившись более основательно.

Вернувшись, я не забыл купить хлеб. Однако дома ждали уже не столько хлеб, сколько меня. Мимолетная радость от моего появления тут же сменилась совсем иными эмоциями. Полдня, проведенные мною на природе, вызвали дома озабоченность, которая приняла для меня совершенно нежелательную форму. Больше я никогда не ходил за хлебом через Ленинские горы.

К своему стыду, первые школьные годы я не помню так же отчетливо, как дворовый мальчишеский досуг. Более-менее устойчивая картина событий начинается только с третьего класса. В том году произошла одна из реформ школьного образования, и наша до того времени мужская школа превратилась в

смешанную. Это событие было из ряда вон выходящим и поэтому четко отложилось в памяти.

До того девочки ни в коей степени не присутствовали в нашей мальчишеской жизни, и вдруг они появились в великом множестве, да еще со своими правилами. Нашему удивлению не было предела, когда на переменах, вместо того чтобы носиться по коридору и толкаться, они чинно расхаживали парами среди нашей кутерьмы. Никакие насмешки и более грубые воздействия не могли нарушить эти устои. Как я потом понял, такие прогулки с доверительным перешептыванием были своеобразным ритуалом для установления и демонстрации отношений, а также обсуждения коварных интриг.

За парту меня, как и остальных мальчишек, посадили с девочкой (очень симпатичной). Естественно, что интерес к ней был весьма велик, но он тщательно скрывался. Много в ее поведении мне было совершенно не понятно, как, видимо, и ей в моем. К примеру, мы с приятелями постоянно придумывали всяческие соревнования и испытания на силу, выносливость и волевые качества. Для проверки последних у нас было особенно много вариантов. Самый простой состоял в следующем: набрав воду в рот на перемене, продержать ее, не глотая, весь урок. При кажущейся простоте выполнить это задание без тренировки весьма сложно. Первые минут десять — пятнадцать держались все, и учителя только удивлялись необычной тишине в классе.

Наиболее выигрышным для меня было соревнование на продолжительность висения на перекладине на одной и двух руках. В этом виде, а также в лазании по канату я был впереди даже самого сильного в классе Петьки Зорина, кстати, моего приятеля.

На уроке физкультуры случился у нас и первый курьез системы смешанного образования. У одного мальчика, спускавшегося по шесту, задралась трусика, и стоявшая рядом девочка в изумлении вскрикнула:

— Смотрите! Что это у него?

Мальчик от стыда прилип к шесту. Дороги вниз для него не было, а отпустить руку и поправить трусы было страшно. Растерялся даже учитель. Но как-то все обошлось, и больше подобных неожиданностей не возникало.

Учился я всегда достаточно старательно, но не все предметы давались мне одинаково легко. Самым ненавистным было чисто-

писание, так как написать без помарок я не мог и строчки. При чем чем больше я старался, тем хуже все получалось. Когда этот предмет значился в расписании, день заведомо был испорчен, как походом к зубному врачу.

Однако самая серьезная проблема у меня возникла в четвертом классе с пением. Сначала все было вполне нормально, и я даже выступал с хором со сцены. В нашем репертуаре были песни о «Варяге», пограничнике и Раймонде Дьен, которая легла на путь и не позволила пройти военному составу. Катастрофа случилась с приходом новой учительницы, решившей заслушать нас индивидуально. Когда подошла моя очередь, я добросовестно спел полагавшийся куплет песни и никак не ожидал, что это окажет на учительницу столь сильное воздействие. Она выскочила из-за инструмента, схватила меня за шиворот и с криком, что не позволит над собой издеваться, толкнула так, что я врезался в стенку головой. Во время этой экзекуции вдобавок ко всему порвался пионерский галстук.

В таком заплаканном и сильно потрепанном виде и обнаружила меня в коридоре наша классная руководительница. По-видимому, она сообщила о случившемся директору школы, и вскоре произошла разборка. Учительница пения была страшно рассержена, поставила мне в четверти двойку и объяснила свой поступок тем, что якобы я ее грубо обругал. Поверить в это было трудно, и ее уволили (надеюсь, по собственному желанию). С этого времени уроки пения прекратились, как мне помнится, совсем.

Заканчивая музыкальную тему, следует рассказать еще об одном случае. Как-то, зайдя к своему другу Петьке домой, я застал его за необычным занятием. Он торжественно сидел за столом с большой медной трубой в руках. Перед ним лежала маленькая бумажка с нотами, которые он старательно воспроизводил, не обращая на меня внимания. Закончив упражнение, он сообщил мне, как бы между прочим, что записался в духовой оркестр при доме пионеров.

Петька был в классе большим авторитетом, и я сразу понял, что навряд ли переживу, если у меня не будет такой же замечательной трубы. Насладившись произведенным впечатлением, Петька обещал похлопотать в оркестре и за меня. Что и говорить, он был человеком широкой души.

Через несколько мучительно долгих дней мы наконец поехали записывать меня в оркестр. Его руководитель — уже пожилой человек весьма строгой внешности — без лишних разговоров приступил к проверке моих музыкальных способностей; для этого он сел к пианино и стал нажимать на клавиши, требуя от меня определения их числа. Никаких признаков числа нажатых клавиш на слух я не различал и, чтобы не опозориться, пришлось незаметно подглядывать. Ошибки пошли только при нажатии большого числа клавиш двумя руками.

Удовлетворившись первым тестом, экзаменатор начал стучать карандашом по столу. С учетом опыта, приобретенного в первом испытании, я старательно пересчитал, а потом и воспроизвел число ударов. На лице музыканта появилось недоумение, а юные дарования, присутствовавшие при моем испытании, визжали от смеха. Но он строго пресек их бестактность, заметив, что если бы у всех был такой идеальный музыкальный слух, как у меня, то ему было бы много легче работать.

Таким образом, несмотря на сокрушительный провал во втором раунде, я был принят в оркестр, и наступил долгожданный момент выбора инструмента. Тут я вторично попал впросак, так как не выяснил у Петьки названия его трубы. Хуже того, оказалось, что я не помнил названий ни одного инструмента духового оркестра, за исключением барабана. Его и пришлось назвать, дабы сгладить неловкость. Как на грех выяснилось, что барабанщик-то как раз и нужен, так как предыдущего недавно выгнали. Руководитель оркестра велел мне купить палочки (казенные спер мой предшественник) и приходите на следующее занятие.

Только в трамвае я пришел в себя и окончательно расстроился. Во-первых, барабан был в тысячу раз хуже красивой медной трубы. Во-вторых, барабанить в нашей комнатке было просто невозможно (как, впрочем, и играть на трубе). Стало совершенно ясно, что это был провал всего замысла, и я принял мужественное решение отказаться от своей затеи.

В дальновидности этого поступка я утвердился много лет спустя, когда, напутствуя меня в первую заграничную командировку, жена сказала:

— Делай там что угодно, только об одном прошу тебя: никогда и нигде не пой.

Двойка по пению в четвертом классе, судя по всему, была заслуженной.

В середине пятого класса учеба моя на время прервалась, так как отцу дали новую жилплощадь, на этот раз две смежные комнаты в малонаселенной квартире на Новопесчаной улице. Квартира была на втором этаже и выходила окнами прямо на спортплощадку школы № 144. Школа эта имела в округе высокий рейтинг, и меня в нее не взяли, сославшись на переполненность классов. Пришлось записаться в другую школу, расположенную у Ленинградского шоссе.

Уже на первых уроках новые учителя обнаружили в моем образовании два серьезных пробела. Во-первых, выяснилось, что я не умел читать. Не то чтобы совсем, буквы я знал хорошо и не спеша мог составлять из них слова, но для пятого класса такой уровень был недостаточен. Для того чтобы выглядеть поприличней, я ограничивался чтением начала слов и на ходу придумывал им окончания. Учительница не сразу поняла, в чем дело, и решила сличить тексты в учебниках. Убедившись в их идентичности, она вызвала маму и рекомендовала ей принять самые серьезные меры.

К несчастью, оказалось, что и английского языка я тоже совершенно не знаю. Да и откуда было его знать, если учили его всего полгода. В дальнейшем на русский и английский языки я потратил времени больше, чем на все остальные предметы, вместе взятые, но заметных успехов так и не достиг.

Самыми любимыми предметами в то время у меня были естествознание и биология. Эти уроки проходили в кабинете, заполненном диковинными растениями с огромными листьями и лианами. Учительница была добрейшей женщиной, влюбленной в свой предмет. Она открыла нам многие тайны природы, показала в микроскопе жизнь клеток, ставила опыты по проращиванию семян, водила на экскурсии в музеи. Все мы с нетерпением ждали ее уроков.

Сейчас я уже не помню всех обстоятельств, но только в один прекрасный момент к нам пришла другая учительница, очень уверенная и решительная женщина. Весной она перенесла занятия на школьный двор. Там по периметру спортплощадки на вытоптанной земле боролись за жизнь невысокие деревья. Они-то и стали объектом ее внимания.

Каждому из нас было выделено по дереву и дано задание раскопать корни с целью подкормки. По ее замыслу, копать следовало на глубину никак не меньше полуметра.

За один урок утрамбованную тысячью пробежавших спортивных ног землю расковырять было невозможно. В результате пару недель деревья стояли подкопанными, опираясь на несколько крупных оголенных корней на дне ямы. Наконец все ямы были углублены в достаточной степени, и нам выдали по горсти живительного белого порошка для каждого дерева. Засыпать ямы к тому времени было уже нечем, так как выкопанная земля бесследно исчезла. На этом операция по охране «зеленого друга» была завершена. Ни одно из подкормленных деревьев на следующий год ухода уже не требовало. Закончилось и наше повальное увлечение биологией.

После шестого класса меня опять ждали перемены. Родители наконец договорились о моем переводе в близлежащую школу, где мне и суждено было завершить среднее образование.

Новый класс, сплошь состоящий из одаренных личностей, встретил меня без особого воодушевления и даже критически.

«Вот еще одного недоумка привели» — было написано на их светлых лицах.

Первым в этом списке был пришедший незадолго до меня симпатичный весьма упитанный мальчик Алик Терлецкий. Близость жизненных позиций сразу сдружила нас, и эта дружба, надеюсь, одинаково важная для нас обоих, сохранилась и по сей день.

Класс был вполне благополучный, совсем не хулиганистый, но и не слишком дружный. Вписался я в него без особых проблем. Среди мальчишек класс был разбит на несколько групп, объединившихся преимущественно по территориальному признаку. Их формирование определялось тем, что значительную часть досуга мы проводили во дворе и на улице.

Самой заметной фигурой в нашем дворе был мой тезка и одноклассник красавец Гена. Отец у него был полковником милиции, и Гена считал себя человеком очень прозорливым, могущим распутать любое дело, кем-то типа Шерлока Холмса. Такая уверенность сформировалась у него как по наследству от отца, так и из опыта, набранного при просмотре огромного числа кинофильмов. Он был просто киноманом и не пропускал ни одного

нового фильма. Однако реальных ситуаций, в которых могли бы проявиться его способности, не было. Лишь однажды мне представилась возможность помочь ему утвердиться в глазах одноклассников в качестве опытного следователя.

В то время в школе практиковались коллективные походы в театр. Обычно нас водили на спектакли по тематике изучаемых литературных произведений, но тут купили билеты на детектив. Я уже этот спектакль видел. Там в первом акте закручивается шпионская интрига с участием нескольких подозрительных лиц. Сюжет довольно увлекательный, и в антракте все зрители гадают и спорят, пытаясь разоблачить врага народа. Но он был так замаскирован, что не угадывал никто. Развязка, наступающая в следующем акте, совершенно неожиданна. О ней я и поведал Гене перед спектаклем.

Эффект превзошел ожидания. На следующее утро все в классе только и говорили о невероятной прозорливости Гены. Девчонки, которые и без того были влюблены в него, открыто переполнились обожанием. Гена с достоинством принял славу, хотя можно было заметить, что мое присутствие его несколько сковывало. Когда мы оказались наедине, он небрежно бросил:

— Ты мог бы мне и не говорить, я и так сразу все понял.

Я воспринял это как черную неблагодарность, но тайну успеха сохранил.

Сейчас я смотрю на этот случай несколько иначе и вполне допускаю, что он был в своем заявлении искренен. Когда наперед знаешь результат, все замаскированные автором детали и мелочи становятся более выпуклыми.

Другой одноклассник — Толик был одержим авто и тратил на свое увлечение все внешкольное время, отчего учился плохо, хотя и был способным. В одиннадцатом классе он решил построить действующую модель бензинового двигателя. Для начала сделал чертеж корпуса, раздобыл здоровенную стальную болванку и начал подобно скульптору вырубать из нее зубилом соответствующую чертежу форму. Нам всем было очевидно, что из этой затеи ничего не выйдет, но, видя то упорство, с которым наш товарищ изо дня в день стучит молотком, мы даже попытались ему помочь. Правда, энтузиазм наш закончился после первого же неудачного удара молотком по руке. У Толика вся левая рука была сплошным синяком.

После недели напряженной работы в болванке появилась выемка весьма неправильной формы глубиной в несколько сантиметров. Взвесив все «за» и «против», Толик сдался и обратился за помощью к фрезеровщику на заводе, где он проходил практику. Через час изуродованная заготовка приобрела форму изящной детали. Толик показывал ее с нескрываемой гордостью, и мы уже даже начали верить в реалистичность его конечного замысла. Но тут нас ждала неожиданность. Толик, который еще вчера с энтузиазмом часами колотил молотком по зубилу, полностью утратил интерес к своему проекту.

Психологию такого поведения я понял не сразу. Помог мне рассказ персонажа одной из последующих глав — Саши Волкова. В детстве он увлекся собиранием народных пословиц. Завел альбом и аккуратным почерком вписывал в него свою «добычу». Родители решили поощрить увлечение сына и подарили ему на день рождения толстую книгу «Пословицы и поговорки русского народа». Саша очень обрадовался... и потерял всякий интерес к своему увлечению. Вывод очень простой: в жизни, особенно в детстве, процесс бывает важнее результата. Собственно вся жизнь — это именно процесс.

В классе была еще одна дружественная мне заметная личность — Владимир. Он олицетворял собой богемную часть нашего небольшого коллектива, жил под маской легкой загадочности и не был конкретен в своих мыслях и поступках. Многим девчонкам он нравился даже больше, чем удалой Гена, поскольку был по-взрослому симпатичен, остроумен и нетривиален в своих суждениях. Нас с ним объединяла именно несхожесть в отношении к жизни. Встретившись с ним лет через двадцать после окончания школы, я сделал вывод, что жизненная неконкретность не всегда приводит к успеху.

Пора, однако, сказать и про девчонок, тем более что их было в классе немало и были они весьма привлекательными. Их внутренние отношения были более тонкими и противоречивыми, чем у ребят, а группировки менее устойчивыми. Самой заводной в классе была маленькая испанка, дочка политических беженцев Жанна. Именно она однажды инициировала письмо протеста в «Комсомольскую правду» против какой-то выходки империалистов, которое с нашими фамилиями напечатали на первой полосе и которое привлекло к

нашему классу значительное внимание далеко за пределами школы.

Кстати, в классе был еще и итальянец — Андрей. Он отлично говорил по-русски и к тому же был безупречно грамотным, так что диктанты по русскому языку я предпочитал списывать именно у него.

В отношениях девочек самое существенное значение имел рейтинг по красоте. Лидерам рейтинга завидовали и в девичьей среде их не любили, поскольку именно они были в центре внимания мальчишек. В нашем классе среди прочих явно выделялась одна — Татьяна. Она была не только красива, но еще и не по годам женственна и умна. У Татьяны в классе не было устойчивых подружек, и было понятно, что ее личная жизнь не ограничивается рамками школы. С мальчишками она тоже особенно не сходилась. Все мы понимали, что для нее мы слишком желторотые. Меня она несколько выделяла своим вниманием, и приятные воспоминания от этого свежи до сих пор.

Учителя в школе практически все без исключения были замечательные, и хотя бы о некоторых из них нужно обязательно сказать подробнее. Явно обращал на себя внимание учитель математики Дмитрий Емельянович — мужчина высокого роста и крупного сложения. Даже в холодную погоду он ходил без пальто с неизменным зонтиком. Класс он требовал проветривать на перемене так, что зимой зуб на зуб не попадал. Математике учил Дмитрий Емельянович столь надежно, что все, успешно прошедшие его школу, поступали в институт без помощи репетиторов.

Совершенно неожиданно и необъяснимо в один прекрасный день директор решил отправить Дмитрия Емельяныча на пенсию. Мы были шокированы, но повлиять на ситуацию не могли. Тогда решили подарить учителю на память часы. Деньги собрали с редким энтузиазмом и на последнем уроке часы вручили. Дмитрий Емельяныч был так растроган, что решил полгода доучивать нас без зарплаты. Вот такие нравы были в то время.

За рамки школьной программы Дмитрий Емельяныч на уроках не выходил и слегка подтрунивал над теми, кто этим увлекался. Душу в компании с Аликом Терлецким и Витькой Степаньянцем (самым способным из нас) мы отводили в кружке, который вел другой математик — Григорий Павлович. Под его руководством мы изучили метод математической индукции, на-

чала дифференцирования и интегрирования. Но не это было главным — большую часть времени мы тратили на задачи из олимпиадного сборника мехмата МГУ. Они коренным образом отличались от рутинных школьных, и при их решении мы впервые столкнулись с непреодолимыми трудностями. Иной раз неделями я безрезультатно бился над самой простенькой на вид задачей. Преподаватель также не мог решить большинства из них и не скрывал этого. Если кто-либо из кружковцев «раскалывал» одну из задач, это становилось событием, специально обсуждаемым и критикуемым. В критике чужих ошибок я оказался особенно силен и на этом заработал значительный авторитет.

Весной наступало волнительное время олимпиады. Проходила она в главном здании МГУ на Ленинских горах. Все было организовано очень торжественно и по-взрослому. В огромных аудиториях нас рассаживали на некотором удалении друг от друга. Вскрывали конверт и объявляли задачи. На решение отводилось четыре часа. На третьем всех угощали булочками с изюмом.

Несмотря на основательную подготовку, успехи нашего кружка обычно были весьма скромными, и лишь однажды из МГУ в школу пришла благодарственная грамота, которой все мы, и особенно Григорий Павлович, очень гордились.

Несколько тоненьких книжечек с олимпиадными задачами в потертых бумажных переплетах я храню до сих пор. Когда при разборке книг они попадают в руки, я обязательно перелистываю их и как бы ненадолго возвращаюсь в волнительную пору юности, вспоминая олимпиады и многие другие события тех лет. Некоторые из задач сейчас мне уже не представляются столь безнадежными, другие же, особенно по геометрии, так и остались неприступными.

В одиннадцатом классе мы с Витькой решили сыграть сразу на двух «досках» — выступить на физических олимпиадах в МГУ и МИФИ. Дело осложнялось тем, что первые туры совпали по времени. В качестве выхода мы решили, что я пойду в МГУ, а Витька в МИФИ и каждый решит два варианта под двумя фамилиями. Сомнений в успехе у меня не было ни малейших. Но результат оказался ужасным — мы провалились в обоих местах. Не знаю толком, что случилось у Витьки, но я в спешке наделал массу ошибок в задачках, которые в обычной обстановке решал без проблем. Потом в жизни я не раз убеждался, что большая

уверенность в победе, как правило, оборачивается большим поражением и, наоборот, опасения и сомнения частенько являются признаком успеха.

Физика нравилась мне ничуть не меньше математики, и я с удовольствием занимался ею сверх школьной программы. Настольной книгой был «Сборник избранных задач по физике» с решениями. Все до единой задачи были настолько интересными, что я изучил их досконально. Понятно, что на уроках после такой подготовки я мог без особого напряжения блеснуть знаниями и сообразительностью, что и делал при каждой возможности.

Преподаватель физики Юрий Львович был человек импозантный и страшно нравился всем девочкам. Не удивительно, что несколькими годами раньше он женился на одной из своих выпускниц. Моя активность вызывала у него двойственное чувство. С одной стороны, его, как преподавателя, радовали мои успехи, с другой — я постоянно нарушал создаваемую им на уроках атмосферу загадочности и его возвышенного превосходства.

Несколько лет спустя я сам оказался в схожей ситуации, когда, будучи студентом МГУ, вел отборочные занятия со школьниками. По замыслу, на этих занятиях предстояло выявить способных ребят для зачисления в физико-математическую школу. Такая процедура представлялась нам более безошибочной по сравнению с обычными собеседованиями и экзаменами.

Стараясь отличить заученные знания школьников от активного владения предметом и сообразительности, я на каждое занятие придумывал свежие задачи. В группе же был один паренек с удивительными способностями. Все мои домашние заготовки он раскалывал на лету, подавляя тем самым остальных. Я тогда все же смог найти против него «противоядие», поручив вундеркинду самому придумывать задачи. Несмотря на безусловные способности, ничего путного он так и не придумал, зато у меня появилась возможность спокойно работать с остальными.

Наш же учитель физики избрал другой путь. Он старался смутить меня, подловив на какой-нибудь ошибке. Чем реже ему это удавалось, тем сложнее становились наши взаимоотношения. Критический случай произошел в десятом классе и не был связан с физикой. Юрий Львович к тому времени стал директором школы.

Учительница истории решила сводить нас в музей Ленина. С самого начала можно было предвидеть, что затея вести в святая святых группу подростков, сплоченных иронией над окружающей действительностью, была небезопасной. Так и оказалось.

С первых же минут мы стали задавать экскурсоводу нелепые вопросы, совершенно не соответствующие торжественности момента. Сначала не подозревавшая подвоха женщина пыталась на них серьезно отвечать, но потом, убедившись в нашей злонамеренности, отказалась продолжать экскурсию.

Об этом ЧП мгновенно стало известно директору школы, и он потребовал назвать зачинщиков, не наказывать же весь класс. Учительница назвала меня. Должен признаться, не без оснований.

Разборка началась прямо на уроке. Мне было велено покинуть занятия и явиться с родителями. С учетом политической составляющей проступка рассматривались два варианта моего наказания: исключение из школы или исключение из комсомола. Ни тот, ни другой меня совершенно не устраивал.

Обсудив сложившуюся ситуацию с секретарем комитета комсомола школы, который был нормальным парнем и к тому же моим приятелем, мы решили ехать в музей и утрясать дело там. Экскурсовода мы нашли без труда. На удивление, встретила она нас очень приветливо и сказала, что меня хорошо помнит. «Еще бы», — обреченно подумал я.

Мы коротко изложили ей суть вопроса и имеющиеся варианты его решения. Реакция ее была поразительной. Она сказала, что никакого зла вообще не держит, а проводимые в школе поиски «козла отпущения» являются вредным последствием культа личности. Еще она сообщила, что сегодня ей выдали долгожданный ордер на новую квартиру. Такое везение (я имею в виду себя) не могло прийти само по себе. Судьба и раньше была ко мне благосклонна, но столь отчетливо я почувствовал ее спасительную руку впервые.

Мы поздравили и тепло поблагодарили счастливого экскурсовода. На прощание она дала нам свой телефон и обещала заступиться в случае необходимости.

На следующий день я пришел в школу без родителей, но в легком волнении. Директор явился вместе с учительницей истории уже на первый урок и потребовал от меня объяснений.

Я слово в слово процитировал экскурсовода. Наступила пауза. Директор повернулся, бросил взгляд на учительницу, от которого та вся сжалась, и покинул класс. Я понял, что победил, но радости от этого никакой не было. Состояние было примерно как в свое время на столбе, когда страховочной цепью я чуть не замкнул магистральные провода. Пуля просвистела у виска.

Следующая, более мелкая угроза нависла надо мной уже в самом конце одиннадцатого класса. У нас не было какого-то урока, и мы втроем играли в дурака, когда в класс вошла новая учительница химии. Карты у нас были необычные — их Алик сделал сам, причем очень искусно. Они были крошечными и помещались в спичечную коробку. Мы играли в них, почти не таясь, поскольку и за проступок-то это не считали.

На вопрос учительницы «Что вы тут делаете?» я честно ответил «Играем в карты. Не хотите ли присоединиться?»

Это был явный перебор расхрабрившегося выпускника.

Далее события развивались стремительно. На следующий урок прибыл директор и, сказав, что за такие дела можно зарабатывать запись в характеристику, с которой и в ремесленное училище не примут, потребовал добровольно признаться в содеянном.

Мы обреченно переглянулись и уже хотели было сдаваться, как вдруг нас опередила другая четверка вставших одноклассников. (В этот раз судьбе спасти меня оказалось много дешевле, чем в предыдущем случае.) Их увели, но вскоре вернули, так как химичка их не опознала. Ребята потом долго недоумевали, как их могли застукать на чердаке?

Вообще же я был активным комсомольцем, и в одиннадцатом классе тот же директор предложил мне стать секретарем комитета комсомола школы. Предложение было очень лестным, но я его по мальчишеской строптивости сразу отклонил, о чем тут же пожалел. Но обратного хода с моим характером уже быть не могло. В дальнейшем подобное со мной случалось еще пару раз в зрелом возрасте и в еще более перспективных ситуациях. Анализируя данный случай, я прихожу к заключению, что мгновенное, неизвестно откуда пришедшее решение было верным, иначе со своей инициативностью я смог бы попасть на заметку в райком с перспективой партийной карьеры. Судьба же уже тогда, вероятно, имела в виду более интересный вариант жизненного пути.

Самые тяжелые школьные воспоминания связаны у меня с уроками русского языка и литературы. Как и чистописание в начальной школе, это была сплошная зубная боль. Редкий диктант, а тем более сочинение приносили мне больше тройки.

И вот однажды на одном из домашних сочинений я решил переломить ситуацию. Трудился я над ним целую неделю, отказавшись от обычного в таких случаях списывания с учебников и пособий. Я пытался изложить свой взгляд на вещи, придав ему хорошо продуманные оригинальность и образность. Сочинение получилось большим. Я его дважды переписывал, а под конец попросил родителей проверить.

Через пару дней состоялся «разбор полетов». Я очень надеялся, что мое сочинение попадет наконец в число лучших, и с нетерпением, буквально затаив дыхание, ожидал этого счастливого момента.

Работа моя лежала отдельно от остальных. Учительница, видимо, хотела сказать о ней специально. Это обнадеживало. Однако, как вскоре выяснилось, смысл ее комментария сводился к тому, что допущенные в домашнем сочинении восемь ошибок свидетельствуют о моем полном пренебрежении к предмету. Мне был поставлен кол, и о нем было публично объявлено на ближайшем родительском собрании, так что мама вынуждена была разделить со мной позор и ответственность.

С этого момента я уже никогда не выходил в своих сочинениях за рамки упрощенных до предела банальных фраз. Эта жалкая по своей сути тактика позволила, тем не менее, успешно закончить школу и получить заветную тройку за сочинение на вступительных экзаменах в МГУ.

Прямыми антиподами преподавателю литературы были учителя черчения и электротехники. Оба они преподавали в вузах, в школу пришли скорее из интереса, чем для заработка, и к делу подходили неформально.

Чертежник на первом же уроке дал задачу по начертательной геометрии и спокойно уселся за стол, предоставив нам возможность помучиться. Наши робкие попытки найти решения все были неверны, и он их аргументированно отвергал. На следующем уроке все повторилось. Казалось, что таким методом мы вообще не сдвинемся с места. Но методика оказалась плодотворной, и дальше все стало развиваться стремительно. Знания легко ло-

жаты на вспаханную напряженным трудом почву. В конце года мы уже уверенно вычерчивали любые сечения и пересечения сложных поверхностей, далеко выходящие за рамки школьной программы. Полученные навыки и знания оказались столь глубокими, что в МГУ преподаватель начертательной геометрии на первом же занятии поставил мне зачет, чтобы я больше не приходил и не выпендривался. Кстати, точно так же получилось со слесарной практикой, но здесь я благодарил уже не школу, а деда.

Преподаватель электротехники был автором учебника о школьных наглядных пособиях и подходил к обучению сугубо с практической точки зрения. Выдал нам небольшие дощечки, провода, ролики, выключатель и патрон для лампочки. Нам предстояло из всего этого собрать схему, имитирующую комнатное освещение. Не говоря уже о девчонках, задание озадачило многих, но только не меня. Я понял, что пробил мой звездный час: за лето в деревне я электрифицировал не один дом.

Привинтить ролики, выключатель и патрон натренированным рукам было столь же легко, как красиво натянуть и соединить провода. Через полчаса все было готово, и я предстал со своим детищем перед преподавателем, к чему тот был явно не готов. Сначала он внимательно осмотрел схему, а затем еще более внимательно меня. После этого пошел искать лампочку, никак не ожидая, что она понадобится так быстро. К изумлению всего класса, лампочка, ввинченная в патрон, исправно слушалась выключателя. Пощелкав несколько раз, преподаватель спросил, как мне это удалось. Я скромно пожал плечами, хотя внутри трепетал гордостью от достигнутого успеха. В заключение преподаватель преподнес мне еще один подарок — направил помогать девчонкам. Тут уж я вообще «распустил перья».

Проучились мы в школе, как я уже упоминал, одиннадцать лет. Наш выпуск был первым, попавшим под очередную реформу образования. Начиная с девятого класса два дня в неделю мы проводили на производственной практике. Сначала мы с Аликом записались на завод, но под нажимом родителей дрогнули и перешли в проектный институт.

Проектный институт № 2, куда нас определили, уже с первого взгляда вызывал уважение своей огромностью и солидностью. Это здание рядом с развилкой Ленинградского и Волоколамского шоссе и сейчас еще выглядит весьма внушительно.

Мы попали в отдел автоматизации технологических процессов. Первое время всерьез нас там никто не воспринимал, но постепенно мы освоились, и на второй год я уже мог самостоятельно разработать принципиальную схему автоматизации того или иного процесса. Самым крупным моим проектом был проект автоматизация линии по производству синтетического спирта на саратовском заводе.

Опыт и знания, полученные в проектном институте, мне не раз пригодились и в повседневной жизни, и в экспериментальной работе. Я не перестаю удивляться тому, насколько легко и быстро человек обучается в молодости и насколько прочными оказываются приобретенные в детстве навыки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УНИВЕРСИТЕТ

Решение поступать в МГУ пришло ко мне под влиянием Алика Терлецкого и его родителей. Отец Алика — известный физик-теоретик — был профессором физфака. Физический факультет меня привлекал, но оставались и сомнения, связанные с тем, что конкурс там был больше десяти человек на место. Обнадеживало то, что вступительные экзамены на физфаке были в июле, на месяц раньше, чем в большинстве других вузов, поэтому на случай неудачи у меня был запасной вариант. К счастью, он не пригодился.

Учеба взяла в оборот своей безжалостной рукой с первого же дня. Требования на физфаке были весьма жесткими, и заниматься приходилось много. Сейчас я отчетливо вижу, что наряду со знаниями в нас развивали еще более важный навык — умение напряженно и продуктивно трудиться. Это как в тренировке спортсменов, где наряду с освоением техники развивается и выносливость.

Не все даже способные ребята сумели преодолеть начальный барьер. Слегка расслабившись вначале, они на первой же сессии попали в такой водоворот проблем, что дальше учеба была им уже не в радость. Немало среди них было детей известных ученых. Иной раз говорят, что на детях великих природа отдыхает.

Я думаю, что все проще. В начале жизненного пути они нечасто сталкиваются с проблемами выживания, а поэтому оказываются не готовыми к тяжелому, подчас изнуряющему труду. Поблажки на экзаменах не ведут к успеху в науке.

Самым сложным предметом на первом курсе считался математический анализ. Для меня же он стал самым любимым, захватывающим красотой своих теорем. Лекции нам читал профессор В. Ильин. Делал он это вдохновенно и даже артистично. Эти лекции не пропускал никто. Обычно я приходил пораньше и садился на первый ряд. Ильин меня заметил и сделал объектом своего внимания. Как опытный лектор он, видимо, имел привычку выбирать в аудитории одного человека и обращаться с лекцией как бы к нему, контролируя степень восприятия материала.

Во время лекции он частенько подбегал ко мне, и я должен был быть всегда начеку, чтобы вовремя кивнуть или другим способом подтвердить высокий уровень понимания. Вскоре это заметили окружающие, и в самые ответственные моменты, когда требовалось продемонстрировать сосредоточенность и глубокомыслие, сидевшие рядом пытались меня рассмешить. Но я держался неплохо.

Однажды, несколько припозднившись, я сел наверху в конце аудитории. Уже на первой минуте В. Ильин, как обычно, подбежал к первому ряду и, не увидев меня, был явно озадачен. Вернувшись к доске, он начал осматривать аудиторию ряд за рядом. Наконец, обнаружив меня, сразу успокоился и приветливо кивнул, а по ходу лекции несколько раз взбегал вверх по ступенькам. Я чувствовал себя виноватым, доставляя ему такое неудобство. После этого случая я уже никогда не пересаживался, а мое место никто не занимал.

Семинарские занятия в нашей группе Ильин не вел, так что мы с ним никогда не разговаривали и, в традиционном понимании, фактически не были знакомы. Через двадцать лет судьба неожиданно свела нас в Кремле во время получения Государственных премий. Без всякой надежды на взаимность я поздоровался с ним. Он мгновенно узнал меня, как будто только вчера видел на лекции, и мы обнялись. Узнал он и жену, с которой мы обычно сидели рядом. Для меня впечатление от этой встречи было не менее сильным, чем от полученной премии.

Другой яркой личностью на факультете был П. Моденов. Его тогда знал каждый абитуриент, поступающий в технические

вузы, по знаменитому сборнику подготовительных задач по математике.

Моденов вел у нас семинары, на каждом из которых он обязательно демонстрировал свою исключительную оригинальность. В его арсенале было несколько испытанных приемов. Например, он вызывал кого-нибудь к доске, усаживался за стол спиной к экзаменуемому и давал задачу на дифференцирование. Затем ставил оценку (обычно двойку), не глядя на доску, ориентируясь только по стуку мела. Контрольные работы проходили всегда очень нервно, он опаздывал минут на десять — пятнадцать, раскидывал задачки, через пятнадцать минут собирал работы, выгонял всех из аудитории и практически сразу же объявлял результаты, которые всегда были убийственными.

Моденов любил вспоминать о своей работе в Московском пищевом институте. Там он обычно принимал экзамены в аудитории с двумя дверями. На входе он задавал студенту вопрос на дифференцирование и шел с ним (со студентом) к выходу. В том случае, если за это время студент не давал правильного ответа, экзамен завершался у порога второй двери. Таким образом, за несколько минут он «экзаменовал» целую группу.

Лекции по физике читал уже довольно пожилой профессор, который не мог конкурировать с Ильиным. Тем не менее на его лекции я ходил с большим интересом, так как на них демонстрировалось множество интересных опытов, запомнившихся на всю жизнь. Именно на них, как на гвоздиках, развешены в моей памяти сведения из курса общей физики.

Все дисциплины на физфаке вызывали у меня вполне положительные эмоции, за исключением разве что истории КПСС. Семинары по истории в нашей группе, как назло, вела лекторша, и знала она нас всех в лицо. По этой причине лекции нельзя было пропускать, а кроме того, она требовала от нас конспекты произведений классиков и постоянно устраивала всякие опросы и проверки.

Для меня самым трудным было чтение классиков, не говоря уже об их конспектировании. Я всегда ловил себя на том, что, водя глазами по строчкам произведений исторической значимости, думал совершенно о другом. Хорошо еще, что в моем распоряжении была тетрадь конспектов отца от его учебы в Военно-политической академии. Она была аккуратно оформлена,

и это преподавательнице нравилось, хотя невооруженным глазом было видно, что конспекты пятнадцатилетней давности, написанные еще перьевой ручкой.

Семинары по истории партии не любили все. И каждый раз мы пытались отвлечь лекторшу от изнурительных опросов. Мне в этом деле отводилась особая роль, как владевшему навыком длинных выступлений ни о чем. Согласно разработанному сценарию в начале семинара я задавал какой-либо вопрос или заводил разговор о непонимании обсуждаемой темы. Группа поддерживала, втягивая, таким образом, лекторшу в спасительную дискуссию.

Так все повторялось множество раз, прежде чем наш замысел был разгадан. Месть настигла меня на экзамене. Выслушав мой ответ, преподавательница заявила, что ставит мне (отличнику) двойку, так как я грубо искажил позицию классика. Вся группа замерла, а я не поверил своим ушам. Удовлетворившись произведенным эффектом, она предложила мне взять другой билет и после ответа поставила в зачетку четверку.

В дипломе у меня оказалось еще две четверки, и, что интересно, получил я их в ситуациях, когда знал предмет гораздо лучше, чем во многих других случаях. К примеру, на четвертом курсе семинары по квантовой механике у нас вел аспирант, который совершенно не готовился к занятиям и просто их профанировал. Я договорился с ним, что буду ходить в группу теоретиков, где занимался до этого. Как выяснилось, тем самым я нанес ему смертельную обиду. На экзамене он признал мой ответ неверным. Ни секунды не сомневаясь в своей правоте, я стал спорить. Дело дошло до сравнения наших позиций с учебником, который однозначно подтвердил мою точку зрения. Это еще больше вывело парня из себя, и я получил четверку, зная предмет лучше экзаменатора.

Похожий случай произошел и на экзамене по радиотехнике, который принимал подвыпивший майор с военной кафедры. Наша дискуссия была похожа на анекдот о солдате и старшине:

- Из какого материала сделан ствол винтовки?
- Из высоколегированной стали.
- Верно. А из чего сделан затвор?
- Из высоколегированной стали.
- Неверно. Из вышеупомянутого материала!

Нужно сказать, что подобные преподаватели являлись редким исключением. Бессменный декан профессор Василий Степанович Фурсов был человеком очень решительным, твердым и держал все в образцовом порядке. Эти два случая и запомнились мне именно своей исключительной уникальностью.

На экзаменах подчас возникали курьезные и смешные ситуации. Одна из них до сих пор свежа в памяти. Дело было на зачете по методам математической физики — одному из самых сложных курсов. Когда преподаватель раздал нам задачи, я вдруг почувствовал в животе какую-то резкую перемену и понял, что долго высидеть в аудитории не смогу. Никогда — ни раньше, ни потом — я не решал эти жуткие задачи про колебания струн и брусков с такой скоростью, как в этот раз, со сжавшейся в кулак нижней частью тела.

Подозвав преподавателя, я представил ему свой молниеносно-спасительный ответ. Однако он, видимо заподозрив, что я имел «домашнюю заготовку», дал еще задачу, которую я решил прямо при нем. Это его еще больше заинтересовало, и он предложил мне третью задачу. Ее я решил так же мгновенно и, получив наконец зачет, успел удовлетворить свою первостепенную физиологическую потребность. Объяснений этому феномену может быть только два: либо организм имеет невероятные скрытые резервы (как физические, так и умственные) и на него можно положиться в критической ситуации, либо у меня в суфлерах был Всевышний (больше некому), в этом случае я снимаю шляпу перед Его уровнем знания высшей математики.

На экзамене преподаватель даже не стал меня спрашивать и сразу поставил «отлично», признавшись, что поражен моими способностям. К сожалению, подобное озарение на меня больше ни разу не снизошло. Видимо, в дальнейшем ситуации были не столь критическими.

Студенческая жизнь была многогранной и не ограничивалась учебой. Главным культурным событием был, несомненно, зародившийся в те годы праздник Архимеда. Подготовка к нему начиналась за несколько месяцев. Многие студенты и аспиранты в азарте забрасывали учебу и писали стихи, песни и даже оперы. Не случайно среди выпускников физического факультета впоследствии оказалось немало профессиональных артистов, режиссеров, писателей и композиторов. К примеру, на нашем

курсе учились Сергей Никитин — известный композитор и исполнитель песен, и Иван Киасашвили — кинорежиссер и автор сценариев «Кукол» (была такая очень смелая и популярная передача на НТВ).

При подготовке к «Архимеду» особенно ценились шутки и остроты, направленные против химиков. Ироническое отношение к химикам и химии было у нас буквально в крови и проявлялось даже на занятиях. Где-то на втором курсе мы проходили практикум на химфаке. Вел его увлеченный и эмоциональный человек. Он настолько подробно объяснял нам простейшие вещи, что вся группа, не стовариваясь, начинала отвечать на его вопросы невпопад. Он это так переживал, а нашим дурачествам не было предела.

Эмоциональностью преподавателя мы умело пользовались и на зачетах, где необходимо было указать направление каких-то химических реакций. Нам раздавались бумажки с химическими формулами. Между ними предстояло поставить стрелочку, показывающую направление превращения веществ. Хитрость состояла в том, что отвечающий уверенным движением руки вел линию справа налево, явно демонстрируя этим предполагаемое направление реакции. В том случае, когда это направление оказывалось неверным, преподаватель от возмущения просто подпрыгивал на стуле. Пока он еще находился в воздухе и не успевал вымолвить ни слова, следовало пририсовать острие стрелочки в противоположную сторону. На стул преподаватель возвращался уже успокоенным и сразу ставил зачет.

На первом курсе меня избрали комсоргом группы, и я относился к этой обязанности со всей серьезностью. Во всех делах мы были в лидерах. После окончания второго семестра студентов посылали на летние работы, и шло формирование отряда на целину. Естественно, что я был в первых рядах, но предстояло пройти медкомиссию. Тут я должен вернуться к волнительным дням поступления в университет.

Перед вступительными экзаменами тоже была медкомиссия. Там выяснилось, что у меня повышенное кровяное давление и шумы в сердце. О шумах я знал, они появились после перенесенной в раннем детстве тяжелой формы скарлатины. Давление же явилось полной неожиданностью и, как я сейчас понимаю, было связано исключительно с повышенным нервным возбуждением.

Пришлось мне тогда проходить дополнительные обследования, и справку мне дали с большой неохотой, решив, по-видимому, что при конкурсе один к тринадцати вероятность моего поступления незначительна.

Теперь на медкомиссии всплыли все старые записи, и врачи ехать на целину мне не рекомендовали. Я полагаю, что они бы сдались, начни я настаивать, как при поступлении, но неожиданно для себя этого я не сделал, хотя на целину съездить хотелось. Причина тому была тоже сердечная. Я дружил с девушкой из нашей группы Викой Добросельской, которая на целину не ехала. Внутренний голос, к которому я и сейчас неукоснительно прислушиваюсь, удержал меня от активных действий, за что я ему до сих пор благодарен, так как с этой девушкой мы счастливо прожили более тридцати лет. А ключевую роль в этом сыграли именно летние работы после первого курса на стройке завода «Микрон» в Зеленограде.

Обладея исключительным обаянием, Вика привлекала к себе внимание многих парней. Только в нашей группе у меня было два серьезных соперника, причем главный — Г. Митцельмахер, мой двойной тезка (по имени и по отчеству), был одним из самых способных на курсе, но к учебе относился крайне безответственно. Иной раз пропадал месяцами, увлекшись музыкой Брамса или чем-нибудь еще. На одной из сессий он завалил решительно все, и встал вопрос об его отчислении. Дело осложнилось еще и тем, что Митцельмахер умудрился вконец испортить отношения с куратором нашего курса. Даже приезд отца, ветерана войны, не спас положение. Тогда мы решили обратиться в последнюю инстанцию — к проректору МГУ по учебной работе. О суровости этого человека ходили легенды. Рассказывали, что в разговоре со студентами он использует только два слова — «короче» и «нет».

Я, как комсорг, возглавил делегацию из четырех человек, в которую входила и Вика. Приготовившись к худшему, мы вступили в кабинет. За одну минуту я изложил нашу просьбу, суть которой сводилась к тому, что в интересах советской науки нужно разрешить нашему товарищу пересдать все зачеты и экзамены закончившейся сессии. К нашему удивлению, проректор оказался очень отзывчивым человеком и, расспросив подробности, распорядился о помиловании, то есть продлении сессии для Митцельмахера на месяц. Забегая вперед, скажу, что Митцельмахер не

подвел и, успешно окончив университет, действительно внес вклад в физику высоких энергий.

На третьем курсе нас ждало распределение по кафедрам. Это, как теперь говорят, судьбоносный момент. Однако немногие третьекурсники имеют на этот счет определенную позицию. Главным образом каждый соразмеряет свои оценки с кафедральными конкурсами. Самой модной в тот период была кафедра биофизики. За ней шли кафедры отделений физики твердого тела и радиофизики. Рейтинг первых базировался на успехах быстро развивавшейся микроэлектроники, а вторых — на только что изобретенных лазерах.

Однако самые высокие конкурсы всегда были на кафедрах теоретической физики и математики. Это была элита, люди в белом.

Я не могу сказать, что теория меня сильно привлекала, скорее напротив, мне был роднее именно эксперимент, но, имея отличные оценки, я мог претендовать на высокое звание теоретика. Решающим же фактором явилось то, что профессор Я. Терлецкий пригласил меня к себе в ученики. Это было равносильно зачислению на кафедру, и я согласился.

Задача, которую предложил Терлецкий, оказалась для меня невыполнимо сложной. Я бился над ней, как в свое время над олимпиадными задачами, с утра до ночи, но безрезультатно. Дело дошло до того, что здоровье мое совершенно расстроилось. Стало очевидно, что пора сдаваться и переходить в экспериментаторы. Как ни неловко было перед профессором, но я вынужден был сделать этот шаг.

Особое место в нашей учебе занимала военная подготовка. Она касалась только парней. На первом курсе мы начали с занятий по строевой подготовке, а в конце семестра был уже и зачет по стрельбе.

Занятия у нас вел отставной полковник, добрейший человек и излюбленный герой студенческих шуток и анекдотов, почти как Чапаев. На стрельбах из пистолета однажды возникла весь-ма нешуточная ситуация. У Лешки Барышникова произошла осечка. Он повернулся с направленным на полковника стволом пистолета, пожаловался на оружие и несколько раз нажал на курок. По рассказам очевидцев (я полагаю, несколько утрированным), полковник бросился на пол и пополз

под стол. Барышников, заикленный на своей проблеме, пополз к нему, где полковнику в конце концов и удалось его обезоружить.

Ни с кем другим ничего подобного в принципе не могло случиться. Барышников же был у нас просто особой точкой. С ним постоянно что-либо происходило. Однажды на хоккее ему выбили передние зубы, и он месяц был объектом шуток всего курса. На экзаменах ему попадался именно тот билет, которого он больше всего боялся. Но самые забавные сюжеты были связаны с его любовными страданиями.

Впервые он влюбился, причем безответно и безнадежно, уже на первом курсе в Ирину из нашей же группы. Будучи человеком совершенно открытым и очень эмоциональным, он всем рассказывал о своих переживаниях и намечающихся успехах. Зная эту его слабость, однажды и я сыграл с ним небольшую шутку.

— Леха, тебе привет от Иры.

— Да? — оживился он и, чтобы зафиксировать этот успех в глазах окружающих нас товарищей, спросил взволнованно, не подозревая о моем коварстве: — Расскажи, как это было?

— Когда я прощался с ней после кино, то спросил: «Лешке передать привет?» — «Ну, передай», — ответила она.

Чем был Лешка хорош — он никогда не падал духом и уже через секунду смеялся вместе со всеми.

На четвертом курсе любовь у него была столь захватывающей, что за ней с интересом следил уже весь факультет. Успеха он не достиг и на этот раз, но зато после окончания университета его дела пошли явно в гору, и он даже несколько раз женился.

Вернемся, однако, на военную кафедру, где из нас готовили офицеров противовоздушной обороны. Техника, которую мы изучали, была довольно старой, но от этого не менее секретной. Режим секретности обрушился на нас уже при изучении самых азов импульсной техники, описанных во всех открытых учебниках.

Перед одной из контрольных работ полковник, проводивший у нас занятия, взволнованным голосом сообщил о ЧП, имевшем место в предыдущей группе. Там были обнаружены шпаргалки, и теперь велось служебное расследование. В связи с этим он предложил нам по-хорошему выложить приготовленные шпаргалки на стол в его отсутствие.

Несколько человек последовали совету полковника. Как выяснилось, шпаргалку приготовил и мой приятель Алик, но сдать ее не решился, опасаясь, что его вычислят по почерку или по чернилам. Пометавшись, он принял решение сведения, составляющие государственную тайну, съесть. Это далось ему ценой определенных усилий. Мало того что чернильную бумагу с непривычки было трудно и противно жевать, делать это пришлось под улюлюканье и подначки всего взвода.

Вернувшись, полковник спросил у дежурного:

— Все успели сдать шпаргалки?

— Так точно. Двое сдали, а один съел.

Взвод при этом дружно посмотрел на Алика. На фоне его пурпурно-красного лица ярко выделялись черные от чернил губы. Посмеявшись со всеми, полковник разрешил Алику пойти в туалет и запить шпаргалки водичкой. Он был не чужд гуманности.

Второй занятный случай произошел уже на четвертом курсе. Проходя на военную кафедру, мы сдавали часовому в качестве пропуска свои студенческие билеты. И вот однажды занятия прерываются и нам объявляют о новом невиданном ЧП. Кто-то прошел на кафедру по женскому пропуску. Далее следовала короткая справка о том, что именно через женщин происходит основная утечка государственных секретов, завершившаяся требованием немедленно и чистосердечно признаться в этом злодеянии. Когда же полковник назвал фамилию женщины, я понял, что признаваться придется мне.

Меня забрали с занятий на допрос, правда без протокола. Комизм ситуации состоял в полном отсутствии цели моего преступления. В конце концов, мне разрешили отыскать жену и заменить документ. Подвел я, видимо, дежурного солдата, которому наверняка досталось за потерю бдительности.

Весьма заметным событием была поездка в лагерь. Нас вывезли под Курск. Дивизион, в котором стояла изучаемая нами техника, боевого дежурства уже не нес и был кадрирован, то есть там был минимум офицеров и солдат. Нашему приезду в дивизионе были очень рады, так как стояла сенокосная пора, а сушить и убирать сено для соседнего колхоза было некому. Занимались мы этим с утра до вечера с перерывами на строевую и спортивную подготовку, а также обед. Кормили нас, кстати говоря, очень неважно, так что все похудели килограммов на десять. Но благо-

даря этому к концу сборов заметно улучшились показатели по подтягиванию на турнике, что начальство занесло себе в плюс.

Усиленная нами футбольная команда дивизиона разгромила местных футболистов, чего уже давно не случалось. Это так порадовало командира части, что на ужин нам дали двойную порцию макарон.

Во время моего дежурства по кухне в часть неожиданно решило приехать командование, и нам с напарником приказали срочно мыть окна. Ему повезло больше, так как досталось окно без стекла. Принимая работу, старшина сказал, что мое окно вымыто хуже, и заставил перемыть.

Интересно, что уровень шуточек и розыгрышей среди студентов в лагерях мгновенно понизился до солдатского. Мы также прятали друг у друга портянки, ставили в пары сапоги на одну ногу и тому подобное. Видимо, в чем-то Т. Лысенко был все же прав, доказывая определяющую роль среды в процессе эволюции.

К концу сборов нам показали зенитную ракетную станцию и на выпускном экзамене всем поставили высокие оценки.

После неудачной попытки стать теоретиком я определился на кафедру колебаний и вскоре был приглашен в Физический институт им. П. Н. Лебедева Академии наук СССР на практику. Там меня встретила молодая, очень энергичная женщина. За несколько минут она уверенно объяснила, что ее группа занимается крайне важным и перспективным делом, и посоветовала, а точнее, велела без проволочек приступать к работе. Последовав ее указанию, я открыл новую, интересную и, по-видимому, самую важную страницу своей жизни, наполненную удачами, борьбой и переживаниями.

Группа, в которую я попал, входила в лабораторию колебаний, возглавляемую молодым, недавно избранным академиком Александром Михайловичем Прохоровым. 1965 год был «звездным часом» лаборатории. Широким фронтом велись исследования по разработке и применению лазеров. А. Прохоров получил все существовавшие в СССР премии и вместе со своим бывшим аспирантом Н. Басовым и американцем Дж. Тауэнсом был удостоен Нобелевской премии по физике.

Волевым решением А. Прохоров в одночасье изменил тематику всей своей радиофизической лаборатории на лазерную.

Исключением была только та небольшая группа, куда попал я, занимавшаяся миллиметровыми и субмиллиметровыми волнами. Руководила группой Наталия Александровна Ирисова. В дальнейшем она не раз отмечала прозорливость этого решения Прохорова, сохранившего перспективное направление в разгар лазерного бума. Возможно и другое, более прозаичное объяснение — потенциал группы был невелик, и Прохоров не возлагал на нее больших надежд.

Первые мои шаги, связанные с созданием сложного усилителя на полупроводниках, нельзя назвать успешными. Транзисторы тогда только-только появились, и даже в ФИАНе их было трудно достать. А я их вообще держал в руках первый раз, к тому же не имея почти никаких навыков в практической радиотехнике. Как назло, несколько транзисторов сразу же сгорели, я страшно переживал, пытался купить новые. С этой ставшей мне ненавистой схемой я возился долго и нудно, регулярно брал работу домой на субботу и воскресенье, но достичь требуемого результата так и не смог.

Вторым моим крупным заданием стал высоковольтный источник питания для миллиметровых генераторов — ламп обратной волны. Там электроника была ламповой, а в ней, благодаря военной подготовке, я разбирался неплохо. В результате уже первый блок получился лучше, чем ожидалось.

Еще успешнее дело пошло с проведением измерений. Ирисова прониклась ко мне расположением и решила оставить работать в своей группе. Попасть в один из лучших академических институтов было вожаделенной мечтой любого выпускника физфака, но в результате не вполне понятных мне в то время интриг дело это сорвалось. Но нужно знать Наталию Александровну — остановить ее было невозможно. Она выяснила, что в аспирантуре на 1967 год имеется одно незанятое место, и решила действовать в этом направлении, нимало не смущаясь того, что на дворе уже стоял ноябрь 1967 года, а заканчивать университет мне предстояло в феврале следующего, 1968 года. Таким образом, до Нового года мне необходимо было подготовить и защитить диплом, сдать госэкзамен и три вступительных экзамена в аспирантуру.

Более-менее целенаправленно работать над дипломной работой я тогда только начал, но Ирисова оценила накопленный экспериментальный материал как вполне достаточный и велела

немедленно приступить к его написанию и оформлению. В середине декабря дипломная работа была завершена и благополучно защищена на специально созванной комиссии. Как ни странно, она оказалась одной из лучших на курсе. Очень мне помогло то, что из любопытства я ходил в МГУ на факультативный курс по теории открытых резонаторов и поэтому смог быстро разобраться в полученных экспериментальных данных.

Все заботы по организации моего экстерната Ирисова взяла на себя. Это была ее стихия. Единственная проблема возникла на экзамене по философии. Достоинно подготовиться к нему я не мог из-за недостатка времени, а философы в МГУ были всегда о себе весьма высокого мнения и всякий раз пытались подчеркнуть свою значимость. Мой, скажем прямо, весьма туманный ответ не удовлетворил экзаменатора, и он предложил мне подготовиться более основательно, так как, по его мнению, больше тройки я не заслуживал. Но отступать мне было некуда, и я согласился на тройку. Однако, полистав к тому времени мою зачетку, философ изменил свою точку зрения и, видимо предвидя неприятности из-за ухудшения показателей отчетности, поставил «отлично». Очередной раз я убедился в гибкости философской науки.

В тот же день я сдал историю партии в аспирантуру, где не без труда заработал требуемую четверку. Экзамен по специальности был обречен на успех, так как комиссию Ирисова составила из самых проверенных людей. Правда, один из них задал мне нетривиальный вопрос:

— Почему вода в природе замерзает при минус четырех градусах, а не при нуле?

Это его наблюдение было, как я думаю, неверным, но спорить я не стал и выложил первое, что пришло на ум:

— Потому, что она циркулирует.

Толком я сам не знал, что имел в виду, но ответ был принят комиссией с облегчением, поскольку вопрос озадачил и всех остальных ее членов. Еще в университете я заметил, что быстрая реакция — важный фактор успеха на экзамене.

Экзамен по английскому языку прошел гладко, и 13 декабря 1967 года, за два месяца до официального окончания университета, я был зачислен в аспирантуру. Так в моей анкете и осталась на всю жизнь эта загадочная нелепость — в аспирантуру я поступил годом раньше окончания университета.

Сейчас, по прошествии полувека со времени окончания МГУ, можно отметить ценность полученных знаний и навыков. Выучили нас добротнo как по глубине проникновения в современную науку, так и широте ее охвата. Конечно, далеко не все пригодилось непосредственно в работе, не все свежо в памяти, но даже без активного использования этих знаний сохранилась уверенность, что в физике все постижимо, а в математике все не так страшно. Это важно, поскольку научная деятельность — это каждодневное продолжение образования.

1968 год пришелся на заключительную фазу интенсивного развития науки в СССР. Многие выпускники распределились на работу в Академию наук, вузы и в престижные институты оборонного комплекса. В начале своей работы мы имели хорошие условия для научного роста. Однако вскоре научная сфера одной из первых почувствовала приближающуюся стагнацию общества. Еще обсуждались и планировались крупные проекты, но их реализация затягивалась или даже срывалась вовсе.

Наше поколение успело сесть в скорый поезд научно-технического прогресса, но уже через десять лет он превратился в пассажирский, а потом и вовсе выбился из расписания. В результате из пятисот выпускников, прекрасно подготовленных и весьма щедро наделенных талантом, мало кто достиг уровня всеобщего признания. Среди ядерщиков А. Сисакян и Н. Тюрин стали руководителями крупных институтов ОИЯИ, ИФВЭ, В. Саврин и Л. Безруков — заместителями директоров НИИЯФ МГУ и ИЯИ РАН. А. Сигов успешно работает ректором МИРЭА. А. Сисакян и А. Сигов избраны в Российскую академию наук. У других, возможно, еще все впереди, так как для членов Российской академии наук 70 лет — возраст расцвета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТАНОВЛЕНИЕ И ДОСТИЖЕНИЕ	7
<i>Глава первая. ТОЧКА ОТСЧЕТА</i>	9
<i>Глава вторая. ШКОЛА</i>	29
<i>Глава третья. УНИВЕРСИТЕТ</i>	47
<i>Глава четвертая. ФИЗИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ</i>	61
<i>Глава пятая. НАУЧНАЯ РАБОТА</i>	77
<i>Глава шестая. ИЗ ЖИЗНИ ЭКСПЕРИМЕНТАТОРОВ</i>	93
<i>Глава седьмая. ВСТРЕЧИ С ВЕЛИКИМИ</i>	106
<i>Глава восьмая. ВИКА</i>	117
<i>Глава девятая. СЕМЬЯ</i>	131
<i>Глава десятая. ДАЧА</i>	151
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПОСТИЖЕНИЕ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ	169
<i>Глава одиннадцатая. МЕДИЦИНА</i>	171
<i>Глава двенадцатая. ПЕРВЫЕ ЗАГРАНИЧНЫЕ</i> <i>ВПЕЧАТЛЕНИЯ</i>	185
<i>Глава тринадцатая. ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ</i>	207

Глава четырнадцатая. ПАРТИЯ	220
Глава пятнадцатая. ПЕРЕСТРОЙКА	239
Глава шестнадцатая. МИНИСТЕРСТВО	251
Глава семнадцатая. ЧИНОВНИЧЬЯ РАБОТА	261
Глава восемнадцатая. РАСУ	270
Глава девятнадцатая. КОНЦЕРН	282
Глава двадцатая. ГЕНЕРАЛЫ	291
Глава двадцать первая. УНИКАЛЬНАЯ НАУКА	300
Глава двадцать вторая. ПОДДЕЛКИ ПОД НАУКУ	315
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ	327
Глава двадцать третья. ЧУДЕСА РОССИИ	329
Глава двадцать четвертая. УРОКИ ЖИЗНИ	339
Глава двадцать пятая. О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ	350
Глава двадцать шестая. О СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕКА	357
Глава двадцать седьмая. О СВОЕЙ СУДЬБЕ	364
Глава двадцать восьмая. О СУДЬБЕ ЗЕМЛЯН	377
Глава двадцать девятая. О СУДЬБЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ	388
Глава тридцатая. О НАШЕЙ СУДЬБЕ	397
Глава тридцать первая. О ФОРМИРОВАНИИ ВЛАСТИ	411
Глава тридцать вторая. ЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ И ЧТО ДЕЛАТЬ?	419
ПРИЛОЖЕНИЕ	425
Глава тридцать третья. КНИГА	427
Глава тридцать четвертая. ЖИВОПИСЬ	437

Литературно-публицистическое издание

КОЗЛОВ ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ

**ГРУСТНЫЙ ОПТИМИЗМ
СЧАСТЛИВОГО ПОКОЛЕНИЯ**

Редактор *А. Л. Попов*
Дизайн обложки: *А. П. Зарубин*
Корректор *О. В. Круподер*

Подписано в печать с готовых файлов издательства 24.02.2015 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «BalticaС».
Печ. л. 28,0. Тираж 1000 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru